ISSN 1561-7793

Вестник

Томского государственного университета

Бюллетень
оперативной научной информации

№ 6
август
2001

В. М. Видгоф

ЦЕЛОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

(опыт философской реконструкции)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693, выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г. ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Бюллетень оперативной научной информации

№ 6 август 2001

В.М. Видгоф

ЦЕЛОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Опыт философской реконструкции

Томск
2001

ISSN 1561-7793

УДК 130.3
ББК 87.3
В 42

Вестник Томского государственного университета. Общенаучный периодический журнал. **Бюллетень оперативной научной информации.** № 6. Август 2001.

Видгоф В.М. В42. **Целостная модель человеческой эмоциональности**. Опыт философской реконструкции. – Томск: ТГУ, 2001. – 90 с.

В монографическом исследовании предпринимается попытка использования конкретно-научных данных и философско-синтезирующей методологии для реконструкции целостной модели человеческой эмоциональности как фактора человеческой духовности. Согласно бносоциальной сущности и ценностно-творческой природе человека в модели выявляется гармония мер психофизиологического, социального и эстетического уровней целостности человеческой эмоциональности.

Работа предиазначена для специалистов в области философии, культурологии, психологии, эстетики и педагогики и может быть использована как учебно-методическое (учебное) пособие при изучении курсов комплексного человековедения.

Сведения об авторе

Видгоф Владимир Михайлович, профессор, доктор философских наук, академик АГН, зав. кафедрой этики, эстетики и культурологии Института искусств и культуры Томского государственного университета.

Область научных интересов: философские проблемы антропологии и культуры, психологии и педагогики, эстетического сознания и деятельности, искусства и музыки.

Контактный адрес: Томск, 634050, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, Институт искусств и культуры. Тел. дом. (3822)–55–53–61. E-mail: Petrova1@vnk.tomsk.ru

© Томский государственный университет, 2001

Vidgoff V.M. **AN INTEGRAL MODEL OF HUMAN EMOTIONALITY.** Experience of philosophical reconstruction. – Tomsk, TSU, 2001. – 90 p.

This monograph is the attempt of using specific-scientific data and philosophical-synthesizing methodology for reconstruction of an integral model of human spirituality. In the model harmony of measures of psycho-physiological, social and aesthetic levels of integrality of human emotionality is brought out according to bio-social essence and value-creative nature of man.

For specialists in the field of philosophy, culture, psychology, aesthetics and pedagogy.

The work can be used as a methodical (educational) guide to complex studies of human nature.

Information about the author

Vidgoff Vladimir Michailovich, Professor, Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Humanities, the Head of Ethics, Aesthetics and Culture Department of Arts and Culture Institute of Tomsk State University.

Sphere of scientific interests: philosophical problems of antropology and culture, psychology and pedagogy, aesthetic consciousness and activity, arts and music.

Address: Tomsk State University, Arts and Culture Institute. 36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. Telephone (home): (3822)-55–53–61. E-mail: Petrova I @ vnk.Tomsk.ru.

Главный редактор (председатель редакционного совета)
Майер Г.В., профессор, доктор физико-математических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Александров И.А., проф., д. ф.-м. н.; Башкатов В.З., с. н. с., к. х. н. (отв. секретарь); Богоряд И.Б., проф., д. т. н.; Бурова Н.Ю., уч. секр. ТГУ; Бычков А.П., проф., д. экон. н.; Волович В.Ф., проф., д. юр. н.; Горцев А.М., проф., д. т. н.; Игнатенко Е.М., нач. рекламно-информационного отдела ТГУ; Кабрин В.И., проф., д. психол. н.; Казаркин А.П., проф., д. филол. н.; Кирпотин С.Н., доц., к. биол. н.; Комаровская Л.В., доц., к. педаг. н.; Малолетко А.М., проф., д. геогр. н.; Марьянов Б.М., проф., д. хим. н.; Петров Ю.В., проф., д. филос. н.; Ревушкин А.С., проф., д. биол. н. (зам. гл. редактора); Сапожкова З.В., нач. отдела кадров ТГУ; Стегний В.Н., проф., д. биол. н. (зам. гл. редактора); Топчий А.Т., проф., д. ист. н.; Фоминых С.Ф., проф., д. ист. н.; Шабурова О.Г., зав. библиографического информационного центра научной библиотеки ТГУ; Шмидт Л.Ф., зав. отделом научно-технической информации ТГУ

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Аванесов С.С., доц., к. филос. н. (отв. секретарь); Борисов Е.В., к. филос. н.; Видгоф В.М., проф., д. филос. н.; Коробейникова Л.А., проф., д. филос. н.; Петров Ю.В., проф., д. филос. н. (научн. редактор); Постол В.И., доц., к. филос. н.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Сегодня, пожалуй, как никогда, становится достаточно очевидным, что в условиях преодоления растущей бездуховности людей, поиска путей выхода из кризисных состояний жизни, гуманизации социальных процессов, решения проблем формирования целостной гармонически развитой личности – все более возрастает интерес к познанию природы внутреннего мира человека, в частности, его эмоциональной культуры. Это и понятно, ибо от развитости внутренней душевно-духовной жизни индивида во многом зависит качество очеловечивания и гармонизация внешней среды его обитания. А от того, как понимается природа эмоциональной духовности человека – качество методологии организации воспитательного процесса. К сожалению, сегодня теория отстает от нужд практики. Человеческая эмоциональность как сложный и во многом неуловимый для теоретического анализа феномен остается одним из наименее ясных теоретических разделов науки. В частности, почти не разработанной остается целостная философская характеристика проблемы.

Задача исследования достаточно скромна – приблизиться к пониманию основных законов бытия человеческой эмоциональности как целостности. Когда речь идет о душевно-духовной целостности, об «эмоциональности сознания» (П. Сартр), то истолкование этой сферы состоит не в сведении ее ни к телесности (нервно-мозговая деятельность), ни к узким схемам психического, гностического, экзистенциального, социологического, но к принципу системно-синтезирующей методологии, идущей от Вл. Соловьева (концепция «цельного знания»), М. Бахтина (концепция «участного мышления»), Ортега-и-Гассета (концепция «жизненного разума»), П. Флоренского (концепция «вселенского бессмертия духа»), В.Н. Сагатовского (концепция «развивающейся гармонии») и др. В методологическом отношении для нас примечательны два суждения: А.В. Луначарского, который писал: «Мы берем человека интегрального и говорим: это кусок организованной материи, которая является человеком, мыслит, чувствует, хочет и действует» [1. С. 27–28], и М.М. Бахтина, который цельность и человечность мирочеловеческих отношений видел только в проявлении эстетического фактора: «Целостный человек – есть продукт эстетической точки зрения, только ее одной, ибо познание индифферентно к ценности и не дает нам конкретного единственного человека, и этический субъект принципиально не един (собственно этическое

долженствование переживается в категории «Я»)...» [2. С. 74]. Поскольку эстетическое (красота) является интегрирующим, смыслообразующим и системным свойством всей многообразной сферы мирочеловеческих отношений [3], то мы видим в ней высший уровень и меру человеческой духовности вообще.

Подобный синтез в методологии дает нам определениый синтез в логике и задачах исследования. Во-первых, рассмотрение материала происходит в структуре соотношения категорий общего (психофизиологический аспект), особенного (социальный аспект) и единичного (эстетический аспект); во-вторых, опираясь на данные физиологии, психологии, социологии, философии и эстетики, с помощью философско-интерпретируемого системно-деятельностного подхода, в работе реконструируется целостная модель эмоции вообще и человеческой в частности; и, наконец, в-третьих, все грани, определяющие тотальную целостность функциональной структуры человеческой эмоциональности, рассматриваются на уровне взаимодополнительности.

1. АНАЛИЗ ПСИХО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ (ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ АСПЕКТ)

В рассмотрении природы человеческой эмоциональности исходным моментом является уяснение предпосылок естественно-научного характера. В сфере этих проблем вычленим в качестве отправной и наиболее общей философское осмысление проблемы «мозг» и «эмоции». Правомерность такого подхода основано на выводах физиологии и психологии о том, что эмоции есть продукт эволюции нервной системы; что эмоции появляются с образованием элементарных нервных центрально-интегративных комплексов. «Эмоция, – пишет П.К. Анохин, – возникает как обязательное *следствие* полноценного периферического рабочего эффекта. Согласно этому представлению субъективное состояние эмоции неизбежно должно возникнуть на какую-то долю секунды позднее, чем первичный комплекс нервной интеграции [4. С. 63].

Для четкой характеристики физиологии эмоций нам необходимо знать, где зарождаются и как регулируются эмоциональные процессы. Долгое время этот вопрос изучался с позиций учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности. И это не случайно, ибо нервные механизмы работы мозга не могут порождаться из самих себя и для самих себя. Высшие нервные процессы – продукт приспособительной деятельности организма, сформированный под влиянием внешних раздражителей. Благодаря действию внешнего импульса, поступающего в организм через аффекторы, в глубинных структурах мозга зарождается эмоциональная реакция. В последнее время выяснилось, что «нервные комплексы, производящие эмоциональные переживания и интеграцию эмоциональных реакций, находятся в архипалеокортексе, но для осуществления полноценной эмоциональной реакции необходимы и подкорковые образования в виде миндалевидных ядер гипоталамуса. Гипоталамус активирует не только висцеральные органы, но и соматическую двигательную систему, осуществляющую выразительные движения. Они вызываются и после удаления всей коры полушарий. Но это не значит, что кора большого мозга не участвует в вегетативных реакциях. Известно, что гипоталамус влияет на двигательную зону коры большого мозга и через нее усиливает выразительные движения, вызванные прямо из гипоталамуса» [5. С. 41–42).

Нервные субстраты, находящиеся в разных отделах архипалеокортекса, объединены между собой лимбической системой и через

нее осуществляют эмоциональное переживание и его внешнее выражение в поведении.

На основании экспериментальио установленных данных физиологи едины в мнении о том, что мозг является материальной субстанцией эмоций. Определив место зарождения эмоций, необходимо предостеречь от вульгарно-материалистических выводов, сводящихся к объявлению мозга источником эмоций. Хотя эмоции и имеют материальную субстанцию – мозг, однако не он является источником эмоций, ибо сама причина функционирования мозга лежит вовне мозга – в объективном мире. Эмоция, как и мысль, порождается процессом, происходящим в организме в результате отражения мозгом внешнего мира.

Рассмотрим зарождение эмоций в онтологическом аспекте.

По данным физиологии, эмоциональная реакция – это саморегуляция функций организма, возникшая в результате центрально-периферической связи. Течение эмоционального процесса – это существенные сдвиги в гомеостазе и функциональном состоянии всех систем и органов организма: обмен веществ, гормональные и гуморальные процессы, регуляция постоянства внутренней среды, действие нервной системы и ее высших отделов, изменение вегетативных функций (изменение дыхания, кровообращения, секреторной деятельности, биотоков тела, мозга и т.д.). На молекулярном уровне саморегуляция функций есть не что иное, как биохимический процесс синтеза так называемых «гормонов действия». Это вещества ацетилхолин и адреналин.

Физиология дает нам ряд интереснейших фактов, раскрывающих природу этих гормонов. Во-первых, вскрыта двуединая роль адреналина [6. С. 174]. Эта особенность адреналина придает возможность эмоции отражать действительность одновременно в форме регуляции функций организма и как форму бытования так называемой психической реальности. Во-вторых, интенсивность и продолжительность биохимического процесса различна и зависит от значимости и новизны раздражителя. Например, временная амплитуда эмоциональной реакции может протекать от одной десятой доли секунды до образования весьма устойчивых динамических стереотипов продолжительностью в несколько лет.

Эмоции, сопровождая жизнедеятельность живой системы, являются ее основным источником самосохранения и самозащиты. Оценивая тонизирующую роль эмоций в работоспособности мозга, И.П. Павлов указывал, что это «главный импульс для деятельности коры» и «если исключить эти эмоции, то кора лишается главного источника силы» [7. С. 268].

Однако было бы ошибкой абсолютизировать понимание эмоции только как материального образования, даже если это материальное образование есть продукт отражательной деятельности другого материального образования.

Регуляция функций – лишь одна сторона онтологического статуса эмоций. Другой стороной является ее психическая природа, которая обретает способность дифференцировать в положительных или отрицательных знаках качество раздражителя и информировать об этом мозг, а также опредмечиваться в актах поведения живой системы. Недаром психическую сторону эмоций физиологи называют *гностической*.

В объяснении природы биоэмоции можно считать действие регулятивно-психического механизма фактором эволюционно завершенным. А действие гностической функции эмоций – тем истоком, который становится открытым для обработки более сложных информационных потоков, идущих от элементарных форм социально организованной среды.

Сделаем вывод. Онтологический аспект биоэмоций есть проявление их как психофизиологической работы нервной системы, активирующей, корригирующей и целеполагающей поведение организма. Такое единство реально существующих субъектно-объектных свойств психического выражено в одном отношении физиологической основой, в другом – способностью в продуктах материальной деятельности выделять структуру вещей, т.е. «эмоционально ощущать» ход материальных процессов как психическое состояние, идеальные образы вещей.

Необходимо отметить, что гностические признаки биоэмоции в науке трактуются двояко: в психофизиологическом и собственно гносеологическом аспекте. Сначала рассмотрим психофизиологический аспект. Ученые разными путями приходят к признанию гностических возможностей эмоций. Одни приходят к этому посредством анализа эмоции как ощущения (П.К. Анохин, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн), другие – посредством анализа эмоции как потребности (П.В. Симонов, А.Н. Леонтьев, Г.Х. Шингаров). Рассмотрим эти точки зрения.

Прослеживая эволюцию возникновения психического отражения, П.К. Анохин называет однажды возникшую эмоцию примитивным или элементарнейшим *ощущением*. «Отныне, – пишет П.К. Анохин, – это новое свойство живой материи дало возможность организму классифицировать все факторы внешнего мира на две биологически важнейшие категории – отрицательную и положительную. Прогрессивно развиваясь до самых высших форм психической деятельности, эти два

состояния перешли к высшим животным в форме извечной антиподной пары *ощущений* – «страдания и удовольствия». Далее П.К. Анохин подчеркивает, что «субъективное ощущение, раз появившись в процессе эволюции, определило самую высшую интегрированность организма и, вместе с тем, организм получил наиболее совершенную и экономичную *оценку* степени вредности и полезности внешних воздействий» [6. С. 127]. П.К. Анохин приходит к выводу, что эмоциональное состояние есть не что иное, как функция «обратной информации от результатов совершенного действия, выполняющей тормозящую или активирующую роль в зависимости от степени совпадения «достигнутого» с «параметрами акцептора действия» [8. С. 339–357]. Таким образом, согласно высказываниям П.К. Анохина, эмоция есть примитивное ощущение, гностические особенности которого наиболее явственно проявляются на уровне опережающего отражения.

Анализируя ощущение в более узком, специальном смысле, С.Л. Рубинштейн определяет его как продукт чувственной дифференцировки раздражителей [9. С. 73–74]. Он находит, что ощущение в специфическом смысле слова есть сложное явление, где безусловно-рефлекторная основа *впечатления* обрастает *условными связями*. Благодаря этим связям, ощущение способно сигнализировать свойства жизненно важных раздражителей. «В силу этого, – резюмирует С.Л. Рубинштейн, – объективное гносеологическое содержание ощущения ... не ограничивается *отдельным* свойством раздражителя, а включает и его *отношение* к тому более существенному свойству раздражителя, с которым оно по ходу жизни и деятельности индивида связывается; это последнее определяет *сигнальное* значение ощущения и, соответственно, ту объективную реакцию, которую оно вызывает» [9. С. 73–74]. Из этого суждения С.Л. Рубинштейна следует, что ощущение обладает определенной структурой, где роль сигнала выполняет безусловно-рефлекторная основа, а в качестве отношения выступает чувствительность. Под чувствительностью С.Л. Рубинштейн понимает такое психическое свойство, которое «включает не только способность иметь ощущения (чувствительность в обычном смысле), но и аффективность в широком пониманни аффекта, включающем и эмоции и влечения или динамические тенденции» [9. С. 288]. Точка зрения С.Л. Рубинштейна получает логическое завершение в выдвинутой гипотезе А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца, где чувствитель-

ность трактуется как *«раздражимость»* по отношению к такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм к другим воздействиям, то есть которые ориентируют организм в среде, выполняя сигнальную функцию» [10. С. 45]. Таким образом, в анализе ощущения выдвигается важное положение о том, что составляющие ощущения *раздражимость* и *чувствительность* в процессе взаимодействия порождают *гностическое* содержание ощущения.

Изучение исследователями функциональных признаков ощущения, как целостного психического феномена, позволило им обнаружить эмоциональный тон ощущения. Сквозь призму этой своеобразной эмоциональной «атмосферы» ощущение и проявляет себя как психическая реальность [11. С. 24; 12. С. 27; 13]. Эмоциональный тон является сигнальной функцией ощущения. Информация, отраженная эмоциональным тоном ощущения, поступает в мозг, где и расшифровывается и соответствующим образом обрабатывается. Уже в переработанном виде эта информация выступает в форме оценки внешней ситуации и общей устремленности живой системы к активным действиям. В содержательном плане наряду с собственно ощущением, дифференцирующим объект на отдельные физико-химические свойства, эмоциональный тон подразделяет эту информацию со стороны биологической значимости.

Эмоция, выраженная ощущением, представляет собой качественно новую форму психического по сравнению с чувствительностью. Благодаря ей живая система приобретает способность *«ощущать»* информацию, полученную из внешней среды. Впоследствии это свойство эмоционального отражения психологи назовут *переживанием*. Вместе с тем эмоция становится носителем знания, выраженного в форме элементарного ощущения, способного в положительных или отрицательных знаках давать самые общие сведения о мире и регулировать поведение живой системы. Наше понимание категории знания будет раскрыто в третьей главе.

Познакомимся с позицией исследователей, обнаруживающих гностические признаки биоэмоции как анализа потребности.

Мысль И.М. Сеченова о том, что «организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен...», что «в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него» и обусловливающая его обратное влияние [14. С. 533], – получила в современной науке свое глубокое обоснование и развитие.

Так, общепризнанным является положение о том, что внешняя среда для организма выражается в форме потребностей. Под потребностью А.Н. Леонтьев понимает всякую нужду организма в определенных условиях, необходимых для жизни, выражающуюся в требованиях его к этим условиям [15. С. 143]. Однако такое определение весьма обще, ибо не выражает структуру потребности. Попытку выделить структуру потребности мы находим в работах С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, П.В. Симонова, Г.Х. Шингарова и др. В качестве составляющих компонентов потребности выделяются *эмоциональное состояние* организма и его *активность*.

По мнению С.Л. Рубинштейна, эмоциональное состояние предполагает определенную *заданность*, определенную *информированность* об окружающей среде и в то же время выражает свою зависимость от нее [16].

С другой стороны, активность есть действенное проявление потребности. Активность от раздражимости, например, отличается не простым возбуждением организма, а возбуждением, мобилизующим энергию организма на совершение целесообразных действий. Недаром ученые подчеркивают, что активность есть выражение динамической тенденции в потребности. Высокий уровень этой тенденции психологи называют *установкой*. Известный специалист по проблемам установки Д.Н. Узнадзе пишет, что «потребность *конкретизируется*, она становится *индивидуально-определенной* потребностью, удовлетворение которой возможно в конкретных условиях данной ситуации лишь при наличии этой последней. Пока такой ситуации нет, потребность продолжает оставаться неиндивидуализированной. Но достаточно появиться определенной ситуации, нужной для удовлетворения этой потребности, чтобы в субъекте возникла *конкретно очерченная установка* и он *почувствовал* бы в себе импульс к деятельности в совершенно определенном направлении» [17. С. 167]. То, что Д.Н. Узнадзе называет конкретно очерченной установкой, П.В. Симонов определяет как «генерализованную» потребность. По сути дела, говорят они об одном и том же, о возникновении такого уровня потребности, который *эмоционально* проявляется на уровне целостного организма. Однако различие обнаруживается в том, что один акцентирует больше внимания на *деятельностной* стороне проблемы, другой - на *информационно-психической*.

Как ощущение, так и потребность проявляются в эмоциональной форме. Функции эмоционального «фона» потребности довольно сложны, ибо, отражая содержание потребности, в нем в снятом виде скрыт *приобретенный опыт живой системы*. П.В. Симонов выделяет три момента, подчеркивающих специфику эмоционального фона потребности. Во-первых, он «инициирует ту внешнюю моторную деятельность организма, которая способна привести к удовлетворению возникшей потребности»; во-вторых, эмоциональный фон «обеспечивает эту моторную деятельность срочной перестройкой функций внутренних органов: дыхание, кровоснабжение» и т.д.; и, в-третьих, он активирует различные отделы мозга и рецепторные аппараты (органы чувств), вовлекая их в деятельность по удовлетворению данной потребности» [18. С. 22].

В содержательном плане эмоция отражает потребность в положительных и отрицательных знаках. Отрицательная эмоция означает, что с искомым раздражителем существует контакт в *идеальном плане*, то есть искомый раздражитель существует для живой системы как *нереализованная* потребность. Положительная эмоция означает, что с раздражителем существует контакт в материальном плане и в результате этого контакта искомая потребность реализована. При этом необходимо заметить, что организм не просто наполняется содержанием раздражителя, а им опредмечивается, т.е. перерабатывает извне информацию, усваивая лишь необходимое и значимое для своей жизни и деятельности. В силу этого в организме происходит своеобразная цикличность между удовлетворенной и неудовлетворенной потребностью. Переход нереализованной потребности в реализованную обусловлен поведением живой системы, которое выступает не просто опосредствующим фактором, переводящим отрицательный эмоциональный знак в положительный и наоборот, но и определяет тенденцию и направленность самих действий живой системы.

Тенденция эта выражается в максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций. В свою очередь в этой тенденции усматривается закономерность, проявляющаяся в стремлении живых систем к большей информированности о событиях, происходящих вне организма, к наилучшей эффективности приспособительного поведения.

В этом отношении особый интерес вызывает «информационная» теория эмоций П.В. Симонова. Рассматривая ситуативный характер эмоций, он пишет, что «эмоция представляет компенсаторный ме-

ханизм, восполняющий дефицит информации, необходимый для достижения цели (удовлетворения потребности). Термин «информация» мы всюду употребляем с учетом его содержательной ценности. В этом смысле возрастание количества информации означает повышение вероятности достижения цели, благодаря получению данной суммы сведений. Нам могут возразить, что накопление сведений, необходимых для достижения той или иной цели, происходит в процессе познания. Но, говоря об эмоции, мы имеем в виду не прирост сведений (он возникает в процессе поиска, движущую силу которого составляет потребность, усиленная эмоциональным напряжением), а именно *компенсацию,* замещение, экстренный механизм, включающийся на данном этапе познания, при данной степени информированности о возможных путях удовлетворения возникшей потребности» [19. С. 77].

Анализ информационной природы эмоций показывает особо важную роль в процессе отражения и характеризует их как стимулирующее средство в появлении мотивационно-волевой активности живой системы. В этом плане эмоция, снимая содержание конкретизированной потребности, с одной стороны, отражает *силу* и *уровень этой потребности,* с другой – *информационный, вероятностный* аспект, определяющий наибольшую эффективность в поиске удовлетворения потребности [20. С. 45–48].

До сих пор мы стремились показать различие в подходах исследователей, изучающих гностическую природу биоэмоции. Теперь обратим внимание на общие моменты.

Прежде всего нужно указать на то, что биоэмоция признается вторичной формой отражения среды, ибо она суть лишь результат отражательной деятельности мозга. Произведенная органом чувств и мозга эмоция является их жизненной функцией. Вместе с тем она есть *познавательный образ,* выражающий *отношение* психики к объективному миру. Этот образ так же реален, как физические и нервные процессы, его порождающие. Хотя он и несводим к этим процессам, однако существование психической реальности без познавательного отношения, отраженного в этом образе, невозможно [21. С. 48]. Реальность эмоции-образа прослеживается в ее регулятивной функции, координирующей телесные действия живой системы. Но регулятивная функция биоэмоции носит сугубо инстинктивный, приспособительный характер. Однако именно

этот характер действий, изученный Ч. Дарвином, И.М. Сеченовым и И.П. Павловым, трактуется в современной психофизиологии как *объективно-целесообразный*.

С другой стороны, целесообразность приспособительного поведения достигается не механическим способом, а действием регулятивной функции эмоции, позволяющей осуществить определенный выбор раздражителя и тем самым адаптироваться в измененных условиях среды. Динамические тенденции, выраженные потребностью и установкой, дают возможность придавать действию направленность, избирательность и стремительность. При этом они *побуждают, мотивируют* действия живой системы.

Накапливая положительный опыт в приспособительном поведении, живая система приобретает свойство опережающего отражения (по П.К. Анохину) или способность составлять мозгом непрерывно текущие вероятностные прогнозы (по П.В. Симонову) (предпосылка функций сознания и сознательного поведения), реагируя эмоционально на соотношение ожидаемого и реально наступившего. О существовании такого опыта в эмоциональной сфере живой системы говорят многие психофизиологи. Примечательно в этом плане высказывание Ф.В. Бассина. Изучая объективно регулирующую роль «бессознательного», Ф.В. Бассин пишет: «Вместо традиционной психоаналитической схемы, по которой «бессознательное» воздействует на поведение, благодаря содержащимся в нем и стремящимся к реализации вытесненным аффектам, перед нами возникает другая более строго формируемая и экспериментально верифицируемая. *Неосознаваемая* высшая нервная деятельность, выполняя функцию *переработки информации*, оказывается неизбежным образом связанной одновременно с *формированием* и *реализацией установок*, на основе которых происходит регуляция поведения. Эти установки, оставаясь весьма часто не только неосознаваемыми, но и непрерываемыми, проявляются функционально лишь как своеобразные *«программы»*, как системы *критериев*, как *регулирующие тенденции*, о существовании которых можно судить по динамике поведения и биологических реакций» [22. С. 220–221]. Отсюда можно предположить, что содержанием биоэмоциональных реакций является информативная «программа» или «память», выражающаяся мотивирующей и регулирующей функцией, в жизнедеятельности организма.

Наряду с уже рассмотренными функциями биоэмоции необходимо отметить способность ее выступать в качестве сигнала. Когда мотивом поведения живой системы становится эмоциональное отражение искомого раздражителя, то оно характеризуется как *внутренний сигнал*, посылающий в мозг информацию об актуализации определенной потребности. Выполняя сигнальную функцию, эмоция одновременно выступает и в роли оценки, ибо она не столько информирует о среде, воздействующей на живую систему, сколько дифференцирует ее с точки зрения полезности или вредности для жизнедеятельности системы. «Производя почти моментальную интеграцию всех функций организма, эмоции сами по себе могут быть абсолютным сигналом полезного или вредного воздействия на организм» [8. С. 340].

В этом плане эмоция для жизнедеятельности организма выступает ценностным фактором, поскольку, с одной стороны, является своеобразным защитным механизмом ситуационного поведения системы, с другой – выполняет оценочно-информационную функцию, помогая ориентироваться в изменяющейся среде, адаптироваться в ней, охраняя нормальность и определенную устойчивость жизненных функций организма. Вместе с тем внутренний эмоциональный сигнал, выражаясь в поведенческом акте или голосовом аппарате, приобретает не только объективированный вид, но и коммуникативную функцию. Находясь в сообществе себе подобных, живая система всегда испытывает потребность общения. Хотя в науке проблема биообщения является еще далеко не решенной, однако накопленный довольно богатый материал дает основание констатировать, что внешне выраженная эмоция одной особи служит сигналом для других [23, 24, 25, 26]. Например, внешнее эмоциональное выражение боли может сигнализировать окружающим об опасности; или коммуникативной становится эмоция полового влечения, выраженная порой в целом ритуале поведенческих актов самца и самки, и т.д.

Сделаем краткое резюме по поводу характеристики гностических признаков биоэмоции в частно-научной литературе.

1. Биоэмоция есть психическая форма отражения действительности на уровне инстинктивной организации целостного организма.

2. В структурном отношении эмоция может выступать и как ощущение, с входящим в его состав раздражением и чувствительностью, и как потребность, с ее составляющими «эмоцией-состоянием» и активностью (включая установку).

3. В функциональном отношении познавательные признаки биоэмоции проявляются в следующих моментах:

а) информативном,

б) оценочном,

в) мотивирующем,

г) регулятивном,

д) приспособительном,

е) коммуникативном.

Первые три момента характеризуют биоэмоцию как субъективную реальность, остальные два показывают на возможность ее объективации.

4. В содержательном плане биоэмоция есть продукт деятельности мозга, где отражение природной среды детерминировано диалектическим единством физиологического, психического, гностического, оценочного и поведенческого (регулятивно-приспособительного) компонентов. Выражение такого единства и характеризует природу биоэмоции как целостности.

Несмотря на то, что эмпирические данные, добытые частными науками, приводят к подобным обобщениям, было бы неверным полагать, что все проблемы, связанные с осмыслением закономерностей эмоционального в психике, уже решены. Так, вне поля зрения до сих пор остается проблема соотношения ощущения и потребности. Отдельные психологи, обнаруживая связь между этими категориями, ограничиваются лишь общими, в большей степени интуитивными высказываниями. Например, Л.С. Выготский пишет: «можно удивляться тому, что голод (это – простое ощущение) и аппетит (это – желание) так интимно связаны между собой, что всегда сопутствуют друг другу» [27. С. 121). Однако необходимость решения этой проблемы в рамках психологии и философии подготовлена всем ходом их развития. Признавая это, Б.Г. Ананьев подчеркивает, что «новый подход к изучению ощущений как моментов всей жизнедеятельности человека должен сочетаться и с новым подходом к изучению потребностей как определенных моментов в отражении человеком жизненно важных условий его существования. Построение системы исследований взаимосвязи между ощущениями и потребностями должно способствовать психологическому изучению личности, а также углублению исследований в области психологии познания» [12. С. 98].

Попытке построения такой системы и посвящена следующая часть исследования.

2. ПОСТРОЕНИЕ ИНВАРИАНТНОЙ МОДЕЛИ ЭМОЦИИ

В данном разделе предпринимается попытка построения инвариантной модели эмоции, модели, которая явится обобщенным фактом, выражающим сущность бытования эмоциональной формы психики. Для этой цели мы применяем системный подход, согласно которому исследование предполагаемых объектов осуществляется по степени последовательного усложнения их содержательности. Каждая проанализированная система, согласно системному подходу, снимается новой системой, выступая как ее подсистема, как ее структурный элемент.

Для нас в качестве основной системы выступает духовно-практическая деятельность человека, а в качестве исходной – система его ощущений. Выделение ощущения первоначальной клеточкой в предпринимаемом исследовании обосновано стремлением вычленить генетическую структуру эмоционального и рационального факторов в мышлении. Выбор ощущения в качестве исходной клеточки обусловлен также и философской традицией и конкретно-научными данными, на что мы уже обращали внимание. Сейчас важно показать на уровне модели, каким образом ощущение становится неотъемлемым компонентом и исходным пунктом двух форм созерцания (сознания): интеллектуального (рационально-логического) и эстетического (эмоционально-переживающего). Как было выяснено ранее, ощущение имеет определенную структуру. Ее составляющие – *раздражение и чувствительность*. По отношению друг к другу они диалектически обусловловлены. Это говорит о двойной, объективно-субъективной природе ощущения. В таком единстве составляющие ощущения можно различить только в функциональном плане, по их направленности.

Раздражение представляет собой генезис рационального в познании, ибо оно направлено на объект. Чувствительность направлена на субъект и генетически определяет эмоциональную форму познания. Такая разнонаправленность в рамках единой системы ощущения подтверждает положение о том, что без чувствительности нет ощущения воздействующего объекта, а без раздражения нет условий для возникновения предметных образов чувствительности. Одно возможно определить только через другое. Заметим по ходу, что об этой тенденции нельзя забывать на высшем, социальном уровне отражения, когда приходится оперировать категориями рационального и эмоционального как относительно самостоятельными единицами.

Существование компонентов ощущения в чистом виде невозможно. Предполагая друг друга, они существуют как противоречивое тождество. В акте духовного освоения эти качества обнаруживаются соотношением рационального и эмоционального.

Поднимемся на ступеньку выше и выйдем за рамки структурной характеристики ощущения. Согласно эмпирическим данным, ощущение обладает внешним свойством, так называемым эмоциональным тоном. Эмоциональный тон отражает и выражает содержание ощущения. По сравнению с чувствительностью эмоциональный тон ощущения – качественно новое эмоциональное образование. Это, так сказать, эмоция второго порядка. Эмоциональный тон, как явление, детерминированное внутренним содержанием ощущения, выполняет ряд новых функций, которых еще нет на уровне чувствительности.

Во-первых, эмоциональный тон – образование предметное и предмет его специфичен, он – само ощущение. Так же, как на высоком уровне развития психики мысль может выступать предметом эмоционального переживания, так и на элементарном уровне ощущения эмоция всегда в гносеологическом отношении *предметна*.

Во-вторых, поскольку эмоциональный тон ощущения, как это было выяснено ранее, способен выступает в качестве сигнала, то можно говорить о ярко выраженной субъективности ощущения.

И, в-третьих, доминанта направленности отраженной информации эмоциональным тоном ощущения выражается схемой объект – субъект. На уровне опережающего отражения направленность эмоционального тона та же, но место объекта заменяет ячейка памяти субъекта, т.е. его субъективированный опыт.

Эмоциональный тон, снимающий содержание ощущения, с одной стороны, несет в себе момент рационального, внешнего для организма знания, с другой – мобилизует мозг для формирования необходимого настроя и выработки определенного отношения к обнаруженным свойствам объекта. Поэтому эмоциональный тон ощущения – необходимое условие для появления активности субъекта по отношению к объекту.

В результате обработанной таким образом информации порождается и актуализируется *потребность*. Представляя собой субъективную реальность, она проявляется в эмоциональной форме. Предметом эмоционального отражения в потребности является не объект, а идеальное выражение организма своей зависимости от внешней среды. Специфика потребности состоит в том, что субъекту заранее задана определенная информация о состоянии объекта, с помощью которой он подчиняет направленность своего отражения по схеме субъект – объект.

Как известно, компонентами потребности как системы выступают *«эмоция – состояние»* и *активность (установка)*. Специфика «эмоции – состояния» выражена в следующем: во-первых, эта эмоция более высокого порядка, чем эмоциональный тон ощущения, ибо снимает в себе содержание последнего; во-вторых, «эмоция – состояние» есть следствие эмоционального тона ощущения и одновременно причина второго элемента потребности – активности; в-третьих, «эмоция – состояние» выполняет больше оценочную и прогностическую функцию, нежели сугубо защитную; и, в-четвертых, в своей *тенденции* эта эмоция становится выраженной на уровне *целостного* организма, а не локализованной только по какому-либо отдельному органу, как это имеет место в эмоциональном отражении на уровне ощущения.

Второй элемент потребности – *активность*. Это уже ярко выраженная действенная форма «эмоции – состояния». Активность, снимая информацию «эмоции – состояния», мобилизует *весь* организм на целесообразный поиск. Она формирует готовность (установку) организма к приспособительному поведению. Специфическим моментом активности является подключение к идеальному фактору компонентов действия. Это подключение не есть еще сам акт действия, но лишь мобилизация для этого необходимых аппаратов мышечного реагирования.

Потребность как система действия (в рамках данной модели) выражена эмоционально. Специфика этого уровня эмоционального выражения состоит в отражении информации на уровне целостного организма (в отличие от «эмоции – состояния», где это выражено лишь как тенденция).

Какова же характеристика сущности эмоции как относительно самостоятельной единицы психики?

Нами пока рассмотрены две разнонаправленные системы: ощущение, отражающее внешнюю *объектно-субъектную* связь, и потребность, отражающая внутреннюю *субъектно-объектную* связь. Мы проследили также, что как ощущение, так и потребность имеет свой эмоциональный фон, который по сути дела обеспечивает диалектическую взаимозависимость и взаимодополнительность этих систем. Однако ни одно из этих эмоциональных проявлений не обладает еще относительно самостоятельным характером. Эмоция, в ее *относительно самостоятельном виде*, появляется только тогда, когда она отражает мир на уровне *целостного* отношения, когда ее содержанием становится такая система, *структу-*

ра которой состоит из гармонического соотношения компонентов ощущения и потребности.

Характеризуя переход системы ощущения в систему потребности, мы отмечали, что «эмоция – состояние» выступает не просто следствием ощущения или рядоположенным фактором, но снимает через эмоциональный тон ощущения содержание последнего. *В рамках ощущения формируется потребность.* Схематически это выглядит в наложении «эмоцин – состояния» на эмоциональный тон ощущения. В месте их взаимодействия происходит скачок. Эмоциональный тон ощущения превращается в свою *противоположность* и уже в новом качестве отражает объект.

Ощущение опосредовано предыдущей потребностью, участвует в формировании новых потребностей и наоборот. Т.е. в рамках ощущения формируется потребность. Но и в рамках потребности формируется новый тип ощущения, выражающий состояние организма в связи с мобилизацией его на новый контакт с объектом. Новый тип ощущения – это форма опережающего отражения, по отношению к которому выстраивается линия поведения субъекта. Само опережающее отражение – это органическая и психическая перестройка в контексте ожидаемого. Притом процесс этот у высших животных и человека протекает на уровне взаимодополнительности, ибо является психофизиологическим механизмом, где физиологическое состояние выступает не только причиной, но и следствием психологического. Эмоция и схватывает этот переход. Поэтому эмоция – это психобиологическое образование, отображающее как актуальное, так и потенциальное состояние субъекта. То есть эмоция – это не только самонастраивающийся психофизиологический аккумулятор, но и информационно-регулятивный механизм, сообщающий и настраивающий субъекта на нужный, а точнее, на приемлемый для него в данных условиях бытия тип поведения.

Эмоция «заряжает» субъекта необходимой энергетической и идеально-психической информацией. В этом отношении она отображает и выражает пространственно-временную константу жизнедеятельности субъекта, несет в себе сведения прошлого, настоящего и будущего (ожидаемого) опыта и тем самым регулирует поведение субъекта, его ориентацию в мире. Выражение такого рода тенденции показывает путь психической эволюции живых систем, путь формирования сознания. Если ощущение «есть превращение энергии внешнего раздражителя в факт сознания» (и это «превращение, – как указывает В.И. Ленин, – каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает

действительно на каждом шагу») [28. С. 46], то, по нашему мнению, *потребность есть превращение факта сознания (ощущение) в энергию внешнего раздражения.* Такой вывод дает основание говорить не только о наличии двух противоположных категорий ощущения и потребности и существующих между ними противоречиях, но и о единстве этих противоположностей, характеризующих единство *объектно-субъектной и субъектно-объектной* природы эмоции. Этот вывод показывает, что проявление единства ощущения и потребности возможно лишь на уровне *целостного* организма, и оно выражает *сущность* эмоции как *относительно самостоятельного явления.* Отсюда специфика эмоции как относительно самостоятельного фактора проявляется в том, что

а) объектом эмоционального отражения выступает сам акт отношения между объектом и субъектом;

б) это отношение в эмоциональном отражении функционально проявляется в форме ощущения оценки, состояния, потребности, мотива и регулятора деятельности субъекта, а также в форме самой деятельности;

в) самодостаточность эмоций не сводима к структуре своих компонентов, она есть мера ценностей любой психики, отражающей гармонию мер природно-психического.

Дадим характеристику понятия эмоции. *Эмоция – это единство объектно-субъектной и субъектно-объектной формы отражения действительности, проявляющейся на уровне психофизиологической гармонической целостности субъекта, как единства его ощущений (отражение) и потребностей (отношение).*

Рассмотренная модель эмоции используется нами в дальнейшем исследовании в качестве исходной системы, позволяющей объяснять общие закономерности функционирования внутреннего механизма эмоции на любом уровне ее социализации.

3. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭМОЦИЯ В СИСТЕМЕ ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данном разделе осуществляется попытка посредством системного подхода вскрыть специфику эмоции на социальном уровне. Решение такой задачи предполагает два момента: во-первых – дать краткую характеристику понятия социального отношения как объективной основы социальной эмоции и предположить рабочее определение социальной эмоции; во-вторых – проанализировать социальную эмоцию в системе субъективации и объективации на информационном психологическом, гносеологическом, аксиологическом и социологическом уровнях.

3.1. Структурная характеристика человеческой эмоциональности как социального отношения (социальный аспект)

Выступая против прямолинейного перенесения законов развития органической природы в историю, Ф. Энгельс писал, что «существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, тогда как люди *производят*... Благодаря этому различию стало возможным...., чтобы человек вел борьбу не только за существование, но за *наслаждение* и увеличение своих наслаждений... готов был для высшего наслаждения отречься от низших» [29].

Из этого высказывания видно, что высшее наслаждение возможно лишь на социальном уровне эмоционального отражения, а борьба за средства социального развития есть борьба за превращение инстинктов в человеческие потребности, за социализацию эмоции. Но социализация эмоции находится в прямой зависимости от уровня производственной и потребительной деятельности индивида. Таким образом, качественно новым элементом в эволюции психики является способность «физиологического механизма» эмоций *реагировать* на социальный раздражитель, который представлен культурой. Это говорит о том, что человеческая эмоция, как и ее носитель, – по сути своей *биосоциальна*.

Нужно заметить, что эмоциональная реакция на социальный раздражитель стала возможной благодаря тому, что практическое освоение культуры являлось причиной, обусловливающей наилучшее удовлетворение основных биологических потребностей

человека, осуществление его господства над окружающей стихией, раскрытие богатства его сущностных сил. В результате социального освоения в системе «среда – организм» сместились акценты в сторону решающей роли субъективного фактора, становящегося регулятором происходящего обмена веществ между природой и человеком.

Что же собой представляет социальный раздражитель, который совершенствует природу «homo sapiens»? Неужели этот раздражитель существовал и до человека, а человек, появившись, вступил с ним во взаимодействие, опредмечиваясь его содержанием? Этот вопрос не праздный, ибо в ложном его толковании находят себе пищу многие сциентистские и вульгарно-социологические концепции.

То, что мы понимаем под термином «социальный раздражитель», определяет сущность социальной среды и, прежде всего, то, что она есть продукт социокультурной деятельности человека. Специфика такого продукта не в использовании элементов природы в качестве орудий (это мы наблюдаем и у животных), а в *изготовлении* орудий, которые, с одной стороны, преобразовали бы самое природу, а с другой – не встречались бы в ней (например, средства общения между людьми). Вся так называемая «вторая природа» есть по сути дела мощное орудие, созданное человеком для регулирования своих взаимоотношений с природой и обществом. В таком виде противопоставлять себя «как силу природы веществу природы» (Маркс) человек смог только благодаря его социокультурной сущности. Классики марксизма неоднократно подчеркивали, что для того «чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их *отношение к природе, имеет место производство*» [30. С. 441]. Речь идет о формировании социального отношения как необходимого продукта и условия социокультурной деятельности.

Благодаря социальному отношению потребность общения находит свою реализацию в *специализации* и выделении *особых* средств коммуникации. Наряду с формированием знаковой системы, выразившейся в развитии языка общения (эмоции, речь, искусство и т. д.), коренной ломке подвергалась вся психика человека. В ходе усвоения общественного опыта человек приобретает такую способность, как сознание, которая не предусмотрена биологической формой развития. Эта способность формируется в процессе общественного производства и выступает не только как продукт, но и условие общественного бытия.

Итак, деятельность, общение и сознание – вот основные блоки системы социального отношения. Как отношение социальное, оно имеет субъектно-объектно-субъектную природу. Представляя собой информационно-практическую деятельность, социальное отношение выступает условием и продуктом социализации человека.

Эмоция как форма отражения действительности, попадая в систему социального отношения, социализируется и в то же время выступает одним из условий, социализирующих эту систему. Таким образом, информационно-практическая деятельность человека есть выражение единства социального отражения и социального отношения. Эмоция в системе информационно-практической деятельности человека становится носителем этого единства. Однако как форма социального отражения она, в качестве своей объективной основы, предполагает социальное отношение.

В заключение дадим рабочее определение понятия «социальная эмоция»: *эмоция, отражающая и выражающая социальный уровень отношения есть эмоция социальная.*

Дальнейшее исследование посвящено выявлению природы социальной эмоции.

3.2. Человеческая эмоция как носитель и вид информации (информационный аспект)

Известно, что в науке существуют два подхода к пониманию информации. Одни авторы считают информацию свойством материального объекта, другие – связывают ее только с живыми системами. В ходе возникшей полемики эти две точки зрения оказались резко противопоставлены друг другу, хотя в действительности, и в этом мы согласны с мнением В.Н. Сагатовского, А.Н. Кочергина и др., информация *есть единый отражательный процесс*, в котором становятся различными лишь *разные уровни* его проявления. Рассматривая информационное отражение как деятельность, В.Н. Сагатовский справедливо подчеркивает, что оно порождает свой внешний и внутренний продукт. В качестве внешнего продукта выступает *производительная* информация, в качестве внутреннего – *потребительная*. «Производительная информация, – пишет В.Н. Сагатовский, – это информация, управляющая непосредственной вещественно-энергетической деятельностью отражающей системы по отношению к определенному отражаемому предмету» [31. С. 29]. В то же время такая информационная деятельность формирует *внутреннее состоя-*

ние системы (потребительная информация). Потребительная информация, по В.Н. Сагатовскому, – это информация, которая готовит систему к внешней деятельности, но непосредственно на нее не направлена.

Анализируя информационную теорию эмоций П.В. Симонова, В.Н. Сагатовский обращает внимание на то, что П.В. Симоновым вскрывается только производительная сторона эмоций. «Но ведь мы отлично знаем, – замечает В.Н. Сагатовский, – что эмоции не только играют производительную роль в решении жизненных задач, но и *потребляются*, переживаются нами безотносительно к их непосредственному производительному значению. Пусть страх возникает в результате недостатка, а радость – в результате избытка необходимой информации и выражается в определенных внешних реакциях. Однако это значение структуры и внешней функции эмоции как производительной информации еще недостаточно для знания специфического внутреннего характера ее переживания той или иной системой» [32. С. 12].

Можно предположить, что производительная информация – необходимое *условие* для появления определенного внутреннего состояния системы, т.е. для возникновения потребительной информации. Вместе с тем потребительная информация в процессе *отражательной* деятельности выступает не только *продуктом*, но и условием новой производительной информации и наоборот. Получается, что потребительная и производительная информация предполагают друг друга и обнаруживаются один посредством другого. Поэтому специфическое различие этих уровней, очевидно, возможно лишь в функциональном плане, в выявлении направленности информации. Если информация направлена на формирование внешней деятельности, т.е. на объект, то в этом случае имеет место производительная информация. Если же информация направлена вовнутрь системы, на субъект, то речь идет об информации потребительной. Единство же производительной и потребительной информации есть проявление двойной субъектно-объектной природы информации. И в этом смысле информация, как единый отражательный процесс, имеет своим *содержанием* не только особенности *прошлого и настоящего* внешней среды и *состояния* самой системы, но и особенности поведения системы в будущем [33. С. 250]. Отсюда следует, что эмоция в снятом виде содержит продукты информационного отражения, которые выступают в качестве единства ее психофизиологического (потребительная информация) и гностического (производительная информация) моментов.

Единство психофизиологического и гностического выражает разные виды информации в эмоциональном отражении. А данные виды информации есть проявление атрибутивно-функциональных свойств компонентов, составляющих эмоцию.

Однако эмоция выступает не только как *носитель* информации, но и как *вид* ее. В данном случае речь идет о признании эмоции продуктом информационной деятельности. Определение вида эмоции зависит от двух моментов: во-первых, от уровня информационного процесса, и, во-вторых, от того угла зрения, под которым исследуется эмоция. Между тем известно, что угол зрения всегда выражает какой-либо уровень информации, но, с другой стороны, существование разных уровней в информационном отражении позволяет исследователю выбрать один из них в качестве исходного или доминантного. Например, на социальном уровне информационного процесса обнаруживается социальная эмоция. Но эта социальная эмоция, как вид информации, может интересовать гносеолога, психолога и социолога в разных отношениях. Для первого существенным окажется характеристика социальной эмоции как эмоционального *отражения*, для второго – характеристика социальной эмоции как *эмоционального* отражения, а для третьего важным окажется ее *социальная* характеристика. В этих случаях социальная эмоция будет проявляться в разных видах: то как *знание*, то как *переживание*, то как *социальное отношение*.

В силу того, что определение вида эмоции в информационном отражении находится в прямой зависимости от познавательной задачи ее решения, социальная эмоция может быть выражена в различных видах информации. Однако на каком бы информационном уровне себя ни проявляла социальная эмоция, какими бы терминами ни назывались ее составляющие, принцип действия внутреннего механизма, выявленный в анализе эмоциональной модели, всегда сохраняется неизменным. Учитывая это замечание, мы и приступаем к изучению ее психологических и гносеологических особенностей.

3.3. Эмоция как личностное переживание (психологический аспект)

В понятии «переживание» выделяются следующие признаки:

1) переживание как личностный уровень эмоционального отражения действительности (П.В. Симонов, К.К. Платонов, Г.Х. Шингаров, А.Г. Ковалев и др.);

2) переживание как форма существования психического и индивидуального сознания (С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, Е.В. Шорохов);

3) переживание как отношение, в результате которого актуализируется личностный смысл событий (С.А. Петрушевский, А.Н. Леонтьев);

4) переживание как регулятор деятельности человека (Г.Х. Шингаров, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.).

Перечисленные признаки переживания дают довольно емкое представление о содержательном и функциональном богатстве этого психического образования. Однако не все авторы, анализирующие природу переживания, рассматривают в комплексном единстве вышеперечисленные признаки. Предпринимая философский подход к исследованию переживания, мы полагаем возможным четче выявить психологический аспект в природе социальной эмоции.

Физиологи и психологи, как и философы, едины в трактовке категории переживания как эмоционального процесса на социальном уровне. Психологи, видящие предмет своей науки в изучении личностного аспекта в саморегуляции деятельности организма, уже четко разграничивают уровни эмоциональных проявлений в зависимости от личных качеств индивида, от уровня и характера его потребностей. Это различие идет в двух направлениях. В одном случае принимается во внимание степень соотнесенности *интеллектуального и аффективного* в сознании; в другом – *предметность* психических проявлений. В методологическом плане это значит, что составляющие переживания характеризуются по *интраиндивидуальному* признаку, т.е. когда исследователя интересуют процессы, происходящие в психике социального субъекта; в другом случае имеет место *интериндивидуальный*, межличностный подход, когда внимание ученого направлено на определение состава переживания по признаку обращенности субъекта к объекту.

Исходя из вышеизложенных посылок, в психологии предприняты попытки классифицировать эмоции. Так, А.Г. Ковалев делит переживание на эмоции (процесс), настроение (состояние) и чувства (свойства) [34. С. 85]. А.Н. Леонтьев дифференцирует переживание на аффекты, собственно эмоции и чувства [35]. В.С. Старинец предлагает разделять переживания на аффекты, страсти, настроения и чувства и т.д. [36. С. 210].

Позиция психолога, стремящегося найти различие между, скажем, настроением и чувством в *непредметности* первого и *предметности* второго явлений или в степени их интеллектуальности [13], представляется правильной. Но нельзя согласиться с теми учеными, которые механически переносят психологические определения в философию и без всяких оговорок оперируют ими как философскими понятиями.

Сошлемся лишь на кандидатскую диссертацию Н. Эйхе «Эстетические чувства в структуре эстетического сознания личности» как наиболее типичный пример прямого проецирования психологических трактовок категорий «чувства» и «эмоция» в философию. Выделим лишь основной вывод, к которому приходит автор [37]. Эмоция, по Н. Эйхе, выполняет отражательно-регулятивную функцию личности только на биологическом уровне, а чувства выступают как мощные регуляторы жизнедеятельности на социальном уровне. Притом первые, хотя и детерминированы воздействием внешнего мира и являются своеобразным его отражением, однако по содержанию беспредметны: предметность характеризует только чувства [37. С. 3].

Свою задачу мы видим в переосмыслении данных психологии в *философском* плане. Если переживания как психологическое образование на социальном уровне протекают только в эмоциональной форме, то вполне уместно выдвижение тезиса о том, что в социальной эмоции скрыт содержательный спектр всех видов переживания, включая и чувства. И этого было бы достаточно, чтобы сделать вывод о том, что *динамизм эмоции в сознании есть переживание.* Отсюда логически вытекает, что аффекты, настроения, страсти, влечения, желания, чувства и т.д. есть не что иное, как определенные уровни и форма социальной эмоции. Эмоция человека (как биосоциального образования) – понятие более широкое и не сводимо только к биологическому уровню отражения.

Динамику эмоциональной реакции философ не должен трактовать только как психолог. Ему не важно, какой уровень человеческой целостности (индивидный, личностный или индивидуальностный) будет доминировать в его отношении к миру и в каких эмоциональных формах. Важно другое: человеческая эмоция, даже в ее узком личностно-социальном проявлении, *всегда целостна по своим природно-социальным основаниям.* А так как исследовательские задачи и методы их решения разные у психолога и философа, то и категориальный аппарат должен быть специфичным в обоих случаях. Поэтому, если термин «переживание» определяет в психологии общие признаки эмоционального состояния личности, то как философская категория он ограничен узкопсихологическим смыслом. Спецификой для философского осмысления эмоциональной сферы человека может выступать лишь *социальное* как доминанта целого.

Понятие «социальная эмоция» по объему шире, чем переживание. Переживание входит в состав социальной эмоции как компонент, определяющий ее психологический аспект. В отличие от со-

циальной эмоции переживание как психологическая категория оттеняет больше субъективную сторону в эмоциональном отражении. Социальная эмоция трактуется нами как родовое понятие. Основанием для различения видовых признаков социальной эмоции явилось признание того факта, что эмоция на уровне человека не выступает в чистом виде, а становится выразителем разных социальных потребностей, которые, в свою очередь, являются субъективным выражением социального отношения. Поэтому когда речь идет о нравственных, эстетических, религиозных и других эмоциях, то имеется в виду определенный *уровень* социальной эмоции, отражающий тот или иной срез социальной жизнедеятельности. С другой стороны, этот срез или сторона социальной действительности определяет предметность эмоционального отражения.

В этом плане свою интерпретацию должны получить и такие психологические понятия, как чувство и эмоция. Однако необходимо заметить, что в философском отношении подобное разделение возможно только в рамках социально-психологического или социологического анализа. С точки зрения гносеологии, такое различие становится неприемлемым. Философское содержание понятий «эмоция» и «чувство» следующее. Понятие *социальная эмоция* выражает *сущность* эмоционального отражения (отношения) человека как биосоциального существа. Понятие *чувство* показывает социальный *уровень* этого процесса. Однако мы далеки от одностороннего утверждения, будто эмоции по сравнению с чувством являются более низкой формой эмоционального отражения (отношения), что чувства в диалектически «снятом» виде содержат в себе эмоции и т.д. [38. С. 146]. Логика наших рассуждений сводится к тому, что не только чувство снимает эмоцию, но и всякая социальная эмоция может снимать в себе разные чувства. И это понятно, ибо в действительности любое чувство проявляется эмоционально и любая социальная эмоция может быть выражена чувством определенного уровня. Поэтому, чтобы найти различия между чувством и эмоцией, необходимо задать конкретное отношение, раскрывающее их предметную соотнесенность. Если исследователя интересует *социальный* аспект в эмоциональном отражении, то можно употреблять термин «чувство». Если же необходимо вычленить *эмоциональный* фактор в социальном отражении, тогда уместно пользоваться термином «социальная эмоция».

Руководствуясь положением К. Маркса о том, что социальные эмоции всегда предметны (а предметом является вся предметная деятельность человека) [39. С. 116], мы считаем правомерным в философии не

только поуровневую дифференциацию человеческих эмоций, но и выявление их гносеологической и социологической специфики. Таким образом, при философском анализе психологического аспекта социальной эмоции важно трактовать ее как биосоциальное субъективное образование, способное к психологическому отражению любых граней социальной действительности.

3.4. Соотношение чувственного, эмоционального и рационального в познании (гносеологический аспект)

Актуальность этой проблемы признается как в психологии, так и в гносеологии. Однако она далека от какого-то однозначного решения. Между психологами и философами существуют общие точки зрения на соотношение чувственного и рационального. Эмоциональный же фактор в таком единстве трактуется по-разному. И в этом отношении психологи, на наш взгляд, на базе экспериментально установленных данных, поднимаясь до философских обобщений, достигают гораздо больших результатов, чем философы.

Суть разногласий состоит в том, что психологи пытаются рассмотреть эмоциональный фактор в *диалектическом единстве* с рациональным, а многие философы объявляют эмоцию фактором *рядоположенным*, играющим роль активирующего момента в познании. Приведем два примера. «Ни одна реальная действительная эмоция несводима к изолированно взятой «чистой» то есть абстрактной эмоциональности или аффективности. Всякая эмоция обычно включает в себя *единство* аффективного и интеллектуального, *переживания и знания*» [16. С. 395]. Это мнение психолога С.Л. Рубинштейна. А вот как на эту же проблему смотрит философ: «Эмоции *не есть знания*, и *не бывает эмоционального познания*, хотя и существует эмоциональное отражение. Эмоции и воля, сами *не являясь познанием*, могут, однако, влиять на познание» [40. С. 18]. Точка зрения, выраженная Ф.А. Селивановым, является довольно распространенной в философской литературе.

Предлагая свое понимание гносеологических возможностей эмоций, мы строим анализ в следующем порядке. Сначала уточним, является ли эмоция знанием, а затем выясним специфику эмоционального знания, то есть проследим роль эмоционального знания в соотношении с чувственным и рациональным.

Прежде всего, поясним, что мы понимаем под термином «знание». Знание рассматривается как продукт познания. «Под познанием (упорядоченным отражением) понимается взаимодействие двух

систем, результаты которого зависят не от вещественно-энергетических, но от их сигнальных характеристик, то есть в ходе которого функционируют объекты – заместители (сигналы), обеспечивающие дальнейшее действие систем согласно их критериям целесообразности» [41. С. 45]. Такое расширенное понимание познания позволяет судить о том, что знание возникает на уровне биосистем. Когда же мы говорим, что и эмоция есть знание, то исходим из эмпирического материала, рассмотренного в первом разделе настоящей работы, а также теоретических выводов, сделанных в результате построения логической модели эмоции и анализа ее информационной природы. О чем говорят эти выводы?

1) О том что эмоция, как заметил П.К. Анохин, является элементом функциональной системы мозга [42. С. 88]. Наряду с другими элементами этой системы – памятью и целью, эмоция выступает лишь специфическим проявлением органического *единства* системы. И в этом отношении эмоции присущи основные признаки функциональной системы мозга в целом. Это значит, что в эмоциональной форме отражения мира синтезирован *прошлый, настоящий и будущий* опыт приспособительной деятельности живой системы. Являясь носителем этого опыта, эмоция приобретает способность, с одной стороны, мотивировать и регулировать действия живой системы, делать их целенаправленными и целесообразными, т.е. выступать в форме такого идеального «образа», который несводим ни к самому предмету, находящемуся вне организма, ни к физиологическим процессам, лежащим в основе этого «образа»; с другой стороны – объективироваться в самом деятельностном акте и в его продуктах. Благодаря этой способности живая система свободно ориентируется в вечно изменяющихся условиях внешней среды.

2) Нами учитываются также и выводы психологов о гносеологической природе эмоциональных переживаний, которые считают, что «переживанием психическое образование является, поскольку оно определяется контекстом жизни индивида. Переживание также определяется личностным контекстом, как знание – предметным; точнее, оно является переживанием, поскольку оно определяется первым, и знанием, поскольку оно определяется вторым... Переживание является переживанием чего-то и, значит, знанием, чего-то. Оно выступает как переживание не потому, что другой аспект – знание – в нем вовсе отсутствует, но этот аспект в нем является господствующим. Таким образом, всякое переживание включает в себя как нечто подчиненное и аспект знания. Вместе с тем знание – даже самое абстрактное – может

стать глубочайшим личностным переживанием» [16. С. 6–7]. «И если бы не было такого «переживательного знания» и своеобразного критерия истинности в ней, то люди вообще не могли бы понимать друг друга, представлять себе переживания других, передавать свои переживания другим людям. Но в действительности они могут это делать, и делают весьма успешно» [43. С. 16].

3) Логическая модель эмоции показывает, что интеллектуальный момент вписан в структуру эмоции.

4) Информационный анализ эмоции подтвердил, что эмоция содержит в себе познавательную информацию, в результате чего она существует как вид познавательной информации (В.Н. Сагатовский, В.И. Ротницкий, С.Х. Раппопорт, Г.М. Кафтонова и др.).

5) В последнее время в философской литературе появляются работы, в которых исследуется гносеологическая природа эмоций.

Эмоция как форма отражения действительности и вид информации вполне соответствует минимуму тех требований, которые характеризуют ее как познавательную категорию. Сейчас важно вскрыть специфику этого знания. Рассмотрение специфики эмоционального знания предполагает два момента:

1) выявление места эмоционального знания в структуре сознания;

2) соотнесенность эмоционального знания с чувственным и рациональным знанием.

В философии довольно основательно изучена проблема чувственного и рационального моментов в познании. Нам известна их структура и соотнесенность, особенности их отражательной природы и формы проявления. Включение третьего компонента эмоции в структуру социального познания вызвано необходимостью получить более глубокое представление о диалектике эмоционального и рационального, а также о системе социального познания в целом.

Согласно данным частнонаучного порядка, а также принципу действия внутреннего механизма эмоций, проанализированного на эмоциональной модели, можно утверждать, что *эмоция вписана в систему чувственного познания и расположена на одной «ступеньке» с ощущением.* Положение эмоции несколько парадоксально, ибо вписанность в систему чувственного познания предполагает ее вторичность по отношению к ощущению, и, в то же время, расположенность ее на уровне ощущения говорит о том, что *она есть само ощущение.* Такая действенность типична для эмоциональной формы знания.

Специфическим моментом эмоционального знания является способность, с одной стороны, отражать объекты внешней и внут-

ренней среды (сюда относится и сфера идеального, если она выступает в качестве объекта) в форме *ощущения*, с другой – снимать любой уровень социального познания. Такую способность эмоция приобретает в процессе эволюции живых систем.

Двойная природа эмоции является причиной ее отражательных особенностей. Можно признать, что в структуре познания эмоция обладает *двойственной* отражательной характеристикой. Эта двойственность выражается прежде всего в том, что наряду с непосредственным отражением какой-либо ступени чувственного или логического знания эмоция становится носителем той информации, которая определила содержательную емкость отражаемой ступени познания. Например, отражая содержание восприятия или суждения, эмоция, вместе с тем, запечатлевает в себе и их смыслы. В этом плане эмоция становится носителем знания.

В свою очередь эмоциональное знание в процессе познания может выступать предметом отражения. На уровне биосистем это выражается в самоощущении, на социальном уровне – в самосознании. Проявляясь в форме ощущения, эмоция несет в себе основные черты чувственного знания. Эмоции, так же как и ощущению, восприятию и представлению, недоступна внутренняя сущность отражаемых явлений. Выступая формой эмпирического познания, все элементы чувственной сферы сознания отражают объективный мир лишь в его внешнем проявлении.

Внутреннюю сущность мира, выявление закономерных связей, внешне воспринимаемых предметов, дает нам абстрактное мышление. Появление абстрактного мышления связано с качественными изменениями и в физиологии, и психологии человека. В частности, с формированием второй сигнальной системы и приобретением способности воображения, фантазии. Учитывая, что вторая сигнальная система формируется в рамках первой сигнальной системы, можно утверждать, что логическая форма знания (т.е. рациональное знание в *относительной самостоятельности*) есть продукт эволюции чувственного знания. В процессе эволюции приспособительной деятельности живой системы происходит постепенная интеллектуализация ее эмоциональной сферы. Эмоция обретает смысловой окрас своей выразительности, который постепенно трансформируется в эмоционально-логические сгустки образно-понятийных структур, существующих достаточно автономно по отношению к своему эмоциональному субстрату. На социальном уровне впервые рациональный момент эмоции выходит за рамки самой эмоции, проявляя себя относительно самостоятельно в форме логического мышления. Итак, в генетическом плане на уровне

первой сигнальной системы момент рациональности лишь зарождается в сфере *содержания* эмоциональной формы отражения, а на уровне второй сигнальной системы она становится ее формой. В этом отношении мысль всегда имеет эмоциональную форму своего бытия, а эмоция – свою мыслеформу.

Перейдем к характеристике эмоционального и рационального в процессе познания. Для анализа мы пользуемся общей схемой элемеитарного акта познания, предложенной В.Н. Сагатовским [41. С. 45–52]. Поступая так, мы исходим из того, что предложенная модель элементарных познавательных акта и образа поможет понять эмоцию как развивающуюся познавательную систему. Этот анализ мы проводим на реконструируемой нами эмоциональной модели, поэтому проблема соотношения эмоционального и рационального будет рассматриваться в генетическом плане.

Ощущение и потребность как компоненты эмоциональной модели представляют собой два взаимодействующих объекта, из которых ощущение, выступающее в качестве субъекта, нами характеризуется с точки зрения его вещественно-энергетического воздействия на потребность, а потребность рассматривается с точки зрения объекта, принимающего воздействие ощущения и выстраивающего к нему свое субъектное отношение.

Само отношение между ощущением и потребностью иосит *сигнальный* характер. Содержание ощущения в данном случае сводится к набору разного рода вещественно-энергетических операций, несет в себе какой-либо *единичный образ предмета*. Потребность является «памятью» сигналов ощущения. Содержание потребности – это набор информационных следов от прежних воздействий и *обобщенное выражение* отношения к приобретенному опыту.

По отношению к ощущению, которое несет в себе сведения *о новом, неизвестном фрагменте* внешнего объекта, содержание потребности состоит из следов – итогов, выступающих в качестве эталонов, с которыми сопоставляются сигнальные воздействия ощущения. Отсюда в потребности фиксируется *единство субстанциональных, атрибутивных* (вещи и свойства) и *регулятивных* (отношений) элементов. И в этом плане правы А.Н. Леонтьев, Г.Х. Шингаров, Ф.В. Бассин и др., характеризующие субъектно-объектную природу потребности.

В процессе взаимодействия между ощущением и потребностью происходят две познавательные операции: *отнесение* и *сопоставление*. *Отнесение* – это такая познавательная операция, в результате которой узнается предмет уже известного класса, то есть знание о

нем уже зафиксировано «памятью» потребности. В результате *сопоставления* происходит образование *нового знания*. Процесс образования нового знания состоит в том, что информация, которая поступает из ощущения, не находя известного класса элементов, закодированных в потребности, сопоставляется с различными комбинациями атрибутивных и релятивных эталонов этой потребности. В результате находится такая комбинация этих элементов, которую удается отнести к поступившей информации, а истинность такого отнесения – верифицировать на практике. Если практикой оправдывается такое отнесение, то «память» потребности обогащается новой познавательной информацией, данной ей ощущением.

Элементарный познавательный акт, происходящий в рамках эмоции, характеризует ее как развивающуюся познавательную систему. А если принять во внимание, что ощущение и потребность являются носителями соответственно рационального и эмоционального моментов, то можно заключить следующее: рациональное дает *расчлененное, дискурсивное знание* объекта, эмоциональное – *диффузное, синкретическое знание* о нем. Слияние этих разнонаправленных информационных процессов характеризует *гносеологическую* емкость эмоции.

На уровне социального познания, где не только эмоциональное, но и рациональное проявляется как относительно самостоятельная категория, можно легко обнаружить, что отражательная характеристика и принцип взаимообусловленности эмоционального и рационального, выявленный в генезисе, сохраняются неизменными на этом высоком уровне. Рациональность в познавательном акте человека направлена на выявление *конкретной, сущностной* классификации объекта, эмоциональность направлена на *целостное* восприятие своего отношения к нему.

Выявленный с помощью рационального знания элемент неизвестного в объекте становится известным (познанным) только в процессе погружения рационального в сферу эмоционального, где хранится вся известная информация об объекте и его внешних связях. Слияние известного и неизвестного расширяет рамки известного, качественно обновляет его и становится достоянием эмоционального знания. Обогащаясь информацией интеллектуального порядка, эмоция проявляется в форме «смутных» знаний, входящих в состав ощущений приятного или неприятного, удовольствия или неудовольствия и т.д.

Интеллектуализация эмоции не снимает противоположности эмоционального и рационального, а потому не исключает и необходимость переходов друг в друга. Так же, как объект познания

неисчерпаем, ибо всегда содержит стороны, еще не познанные на данном уровне развития общественного познания, и переход рациональной формы знания первого порядка к сущности второго порядка происходит через эмоциональную сферу, где в исключительно сжатом виде содержится приобретенный в прошлом опыт взаимодействия с миром. Оживление этого опыта, осмысление его создают благоприятнейшие условия для *развития познания*, для того чтобы не начинать каждый раз все сначала. В этом смысле и надо понимать мысль В.И. Ленина, который, подчеркивая активирующую роль эмоций в познании, писал, что «без человеческих эмоций *никогда не бывало*, нет и быть не может человеческого искания истины» [44. С. 246].

И действительно, в восприятии мира человеком эмоциональное знание, *опережая* логику, схватывает ситуацию в *целом*, то есть соотносит проступающую информацию с тем опытом, который накоплен в течение всей жизнедеятельности человека, а значит, и всего общества.

Так же, как и эмоция, рациональное знание на уровне относительной самостоятельности обладает способностью опережающего отражения. Однако актуальное проявление эмоционального и рационального опережающего отражения разное. Если первое выражается как предчувствие, то второе – как предвидение, прогнозирование, планирование. Если эмоциональное опережающее отражение присуще и человеку, и животному, то рациональное опережающее отражение выражает специфику только человеческого.

Подчеркнем, что эмоциональное и рациональное на уровне *социального познания* выступают как *относительно самостоятельные категории*. Проявляясь одно через другое, они формируют единый познавательный акт, посредством которого человек одновременно отражает самые общие признаки мира и его конкретные свойства.

3.5. Ценностно-регулятивная функция человеческой эмоции (аксиолого-нормативный аспект)

Наряду с гносеологической функцией в социальном освоении действительности эмоции выполняют и функцию оценки. В литературе анализу оценочной способности эмоционального отражения уделяют внимание многие ученые [8, 11, 35, 45, 46]. Суть в том, что она демонстрирует отношение субъекта к объективной информации, полученной от субъекта во взаимодействии его со средой. Эмоциональная оценка зиждется на ранее усвоенном социальном опыте, который одновременно выступает своеобразным

критерием и нормой того, как должен выстраивать человек свои отношения с миром. В состав этого критерия входят два представления, с которыми соотносится реальность: то, что нужно субъекту (его потребностное значение), и то, каким это нужное должно быть (смысловое значение).

Понятие «смысла» обозначает оценивающие и побуждающие эмоциональные переживания. Благодаря такому составу, эмоционально-оценочное отражение организовано по принципу соотношения предикатов «норма – не норма (отклонение от нормы)». Такие значения воспринимаются альтернативно. Сталкивая с сущим, эмоция моментально информирует субъекта о ценностном состоянии среды, т.е. о ее способности удовлетворять или не удовлетворять потребности и интересы субъекта, о степени эффективности деятельностного отношения к ней.

Тенденция развития биологических и социальных систем имеет объективную направленность в сторону максимизации и закрепления схем поведения, ведущих к положительным эмоциональным переживаниям. Благодаря тенденции закрепления позитивных смыслов, эмоция помогает субъекту не только вскрывать нормальность или ненормальность (проблемность) своей жизнедеятельности, но и осуществлять ценностную ориентацию в ней, посредством выбора наиболее оптимальных путей, средств и методов организации своей деятельностной активности.

В этом плане понятие «эмоционального смысла» связано как с оценивающим, так и с побуждающим переживанием субъекта. Притом класс побуждающих переживаний всегда вторичен по отношению к оценке. Именно он формирует установку на новый тип поведения, мобилизуя социальную активность субъекта, создавая у него общий эмоциональный настрой на продуктивную деятельность. Заметим, что источником побудительных переживаний выступают как положительные, так и отрицательные эмоциональные оценки. Положительные увязываются с необходимостью их закрепления и повторов, отрицательные – с необходимостью преодоления проблемной ситуации. В этом движении важны положительные оценки, ибо они имеют базисный характер по отношению к отрицательным в генетическом аспекте, хотя актуально они диалектически сопряжены, образуя одновременно смысловую и движущую составляющую человеческой активности.

Выполняя функцию ценностного определителя жизни, эмоция становится мотивом и регулятором человеческих поступков, сори-

ентированных на реализацию сущностных сил человека. И в этом отношении эмоция придает осмысленность человеческим действиям. Не случайно в характеристике подкласса эмоциональных явлений – чувств человека, А.Н. Леонтьев подчеркивает, «что чувства – это стабильные эмоциональные отношения, выделяющие в отображаемом мире реальные или идеальные объекты, которые представляют для личности постоянную ценность, связаны с основными ее интересами, занятиями и т.п.» [35]. Из этого следует, что в человеческих чувствах, как ведущих эмоционально-смысловых образованиях, доминирующую роль играют социальные потребности и интересы, хотя и носят они индивидуальный, личностный характер выраженности.

Нужно согласиться с замечанием В.К. Вилюнаса о том, что «само по себе производство в социальном процессе норм, идеалов или законов автоматически их смыслом не наделяет» [45. С. 113]. Они приобретают этот смысл только в атмосфере эмоциональных переживаний, протекающих в индивидуальном сознании личности. Ф.Е. Василюк определяет смысл как эмоцию, «просветленную мыслью» [47. С. 24]. Притом такие переживания смыслов сами становятся ценностью для самоосуществления субъекта. Ценностность эмоциональных переживаний состоит в том, что в психике субъекта они выступают особой целостностью, в структуре которой объективное дано не в чистом проявлении, но в виде мотива, как эмоционально переживаемого объективного, как чувственно-предметное. Эта целостность эмоциональных переживаний и становится способной осуществлять главное ценностное функциональное предназначение для субъекта: выделять в образе среды значимые элементы и побуждать субъекта к активной деятельности по отношению к ним.

В литературе сложились определенные традиции классификации ценностных эмоций. Однако многие исследователи признают, что однозначного решения здесь еще нет, поскольку всякий раз типология строится по разным основаниям. С точки зрения наших исследовательских интересов, привлекательной выглядит типология «ценных» эмоций, предложенная Б.И. Додоновым [46]. Важным в его классификации является попытка выявить наличие некоторой инварианты в эмоциональных ситуациях, порождающих эмоции той или иной категории, обозначить их сочетаемость и корреляцию. Притом в указанной корреляции вполне логичным становятся альтернативные соотнесения. Так, альтруистические

эмоции, являясь выражением чувства преданности людям, участия, заботы и беспокойства за их судьбы, чувством нежности, желания дарить людям добро и счастье, могут быть противопоставлены глористическим эмоциям, связанным с утверждением чувства личного превосходства, уязвленного самолюбия и желания взять реванш, стремления к славе, к завоеванию личного признания и почета.

В коммуникативных эмоциях наблюдаются такие категориальные пары, как, с одной стороны, чувства общения, сопереживания, внутренней симпатии, признания и благодарности, с другой – чувства одиночества и тоски, антипатии и неуважительности, зависти и хамства. В практических эмоциях оппозицией чувству хозяина, увлеченности, удовлетворенности работой, любования результатами своего труда, приятной усталости могут быть чувства безразличия и равнодушия к делу, чувства угнетенности и внутренней опустошенности.

В пугнических эмоциях – жажде острых ощущений, чувству спортивного азарта, решительности и сильнейшего волевого, эмоционального напряжения физических и умственных способностей может быть противопоставлено чувство страха и нерешительности, безволия и ленности и т.д. Хотя Б.И. Додонов и не вводит в свою классификацию понятие «эмоциональная категория», однако по логике движения его мысли он близок к этому.

За придание научного статуса термину «эмоциональная категория» небезосновательно ратует Г.П. Матяш [48. С. 94–95]. Она трактует этот термин как выражение в эмоциональной форме переживания признака всеобщего, как своеобразную экзистенциальную реальность, всеобщие структуры которой соответствуют структурам чувственного сознания. А именно как такие структуры, которые «в отличие от логических категорий не являются опорными пунктами развития понятия, содержание которых не имеет понятийной формы» [48. С. 95]. Фактически речь идет о проблеме всеобщего «без понятия», изучением которой занимались философия иррационализма и психология. В этом плане можно упомянуть, к примеру, экспериментальные данные американского психолога Р. Арнхейма, который доказал, что в сознании человека существуют так называемые «визуальные понятия», которые выражают обобщенное представление о тех или иных характеристиках человека: скромности, важности, гордости, низости, любезности и т.д. Эти образы построены нерефлексирующим, эмоциональным сознанием [49. С. 102–103].

Эмоциональные категории, отражая и выражая разные смыслы жизненных ситуаций, находятся в непрерывном взаимодействии. Противоречивость внутренних смыслов создает внутреннее беспокойство и смятение, рождает «душевные муки». Обрести спокойствие духа – стремление каждого человека [48. С. 96]. Он решает эту проблему посредством деятельности переживания, как особой работы по переустройству психологического мира, направленного на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которого является повышение осмысленности жизни; как деятельности, направленной на обретение внутреннего единства Я, на поддержание этого единства в его себетождественности [47. С. 30].

Подводя некоторые итоги анализу психологической, информационной, гносеологической и ценностно-регулятивной функции эмоций и структуре человеческой деятельности, можно отметить следующее.

1. Эмоциональное переживание, в какой бы форме оно не протекало, будь то аффекты или настроения, страсти или влечения, желания или чувства, выражая субъектно-объектно-субъектное единство человека и мира, всегда дано индивиду как состояние его сознания (психики) и деятельности.

2. Это состояние есть форма целостного эмоционально-рационального постижения и оценки мира, взятого во всей его конкретности и абстрактности, включая индивидуальные характеристики самого субъекта – носителя этого переживания.

3. Выступая условием и продуктом деятельности, человеческие эмоции достаточно четко дифференцируют состояние среды и человека, осуществляя при этом необходимую обработку информации, прогнозируя цели и формируя программу конкретных действий индивида. В этом плане эмоции человека обладают чрезвычайно богатой емкостью познавательной и ценностной информации, ибо продукты чувственности и мышления, памяти и воображения, иррационального и рационального, бессознательного и сознательного синкретно пронизывают эмоции и снимаются ими.

4. Особенность эмоционального переживания состоит в том, что оно отражает не сами феномены действительности, а их субъективное отношение к органическим и социальным потребностям человека. Поэтому эмоции не нуждаются в дискурсивных формах выражения, а выступают целостным, синкретическим по содержанию образованием. И все-таки эмоции дифференцируют действительность на уровне позитивной или негативной значимости. Причем эта дифференциация

происходит мгновенно, без привлечения на помощь аппарата логического анализа, оценивая ситуацию, определяя ее конкретный смысл, выбор и направленность необходимых действий. Все это, конечно, говорит о ценности эмоционального отражения в праксиологическом отношении. Таким образом, в человеческой эмоции мы видим исходный и конечный пункт всей человеческой активности и жизнедеятельности; такое проявление эмоциональности обусловлено конкретным уровнем и характером развития отношения человека к действительности, что и становится содержанием его переживаний.

3.6. Эмоция как язык человеческого общения (социально-коммуникативный аспект)

Рассмотрение эмоций под таким углом зрения заслуживает отдельного исследования. Мы не ставим перед собой цель дать исчерпывающий анализ этого почти неизученного вопроса. Нас интересуют лишь некоторые моменты проблемы, краткий анализ которых поможет четче выявить значение эмоционального фактора в социализации человека.

Характеристика человека как существа общественного вытекает из общественной сущности производственного процесса, в рамках которого и возникает необходимость общения между людьми. В конечном счете отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства и потребления, опосредуют их отношение к природе. Так как акт материального взаимодействия человека с миром становится обусловленным продуктом общения, то важным элементом в этом процессе является выяснение природы *средства* и *орудий* общения. Одним из основных средств общения, особенно в период становления, социализации человека является *эмоциональный язык*.

Мы уже отмечали, что коммуникативные свойства эмоция приобретает и на биоуровне, однако на социальном уровне она несет в себе уже качественно иные свойства. Если коммуникативность биоэмоции проявлялась в инстинктивном характере поведения, где основным фактором информационности выступал принцип эмоционального самовыражения, т.е. «проигрывания» в системе внешних выразительных движений биологически важных действий, имитирующих будущий контакт с биосредой, то принципом коммуникативности социальной эмоции выступает тенденция выразить во внешних физических действиях и продуктах труда содержание социального, общественного характера.

В силу того, что носителем социальной эмоции является каждый человек, возникает реальная возможность использовать эмоцию в

качестве языка общения. По этому поводу справедливо суждение о том, что «всякое человеческое общение основывается на предпосылке одинаковости ощущения у людей» [44. С. 76]. В процессе общения социальная эмоция, объективируясь в мимике, пантомимике, жестах, в работе голосового аппарата, начинает выражать то, что человек чувствует, то, о чем он думает. Фейербах по этому поводу подметил, что «мы чувствуем не только камень, мясо, дерево, кость, но и поцелуй... Значит, чувствуем чувства» [46. С. 76].

«Человеческие эмоции – это умные эмоции» – замечает Л. Выготский. Примечательны в этом отношении суждения Я.Э. Голосовкера: «Что же отличает высшее существо от инфузории, от вируса, от бактерии? – Наличие воображения? Но и у зверя есть воображение. Даже у вола есть воображение. Но у вола воловье воображение. Что же отличает человека от зверя? – У зверя воображение только *представляет*. У человека оно *создает и познает* то, что чувствами внешними не познаваемо. Оно связано с внутренними чувствами» [50. С. 375].

Современная наука доказала, что материальный выразитель эмоции – мимика, пантомимика, интонационная структура речи, – сугубо социален по своей природе, ибо его проявление опосредовано сознанием. «Само выражение эмоций, – пишет А.Н. Леонтьев, – обретает черты социально исторически изменчивого «эмоционального языка», о чем свидетельствуют и многочисленные этнографические описания и такие факты, как например, своеобразная бедность мимики у врожденно слепых людей» [10. С. 37–38).

Внешнее выражение эмоции становится *средством* ориентировки в психике других людей. Выделяя эту мысль, К. Маркс замечает, что «деятельность в непосредственном общении с другими и т.д. стала *органом* проявления моей жизни и одним из *способов* усвоения человеческой жизни». И в этом отношении «чувства и наслаждения других людей стали моим собственным достоянием» [39. С. 140].

Интересным, на наш взгляд, является анализ понятия «эмоциональный контакт», проведенный польским психологом К. Обуховским. Трактуя его как ориентировку в эмоциональном настрое других людей, К. Обуховский называет эмоциональный контакт специфической формой человеческого бытия. Анализируя познавательную сторону эмоционального контакта, К. Обуховский обращает внимание на то, что необходимость в эмоциональном контакте вызвана созданием условий для удовлетворения ориентировочной потребности и возникает как *продукт познавательной деятельности* [51. С. 159–166].

В другом плане эмоциональный контакт, по К. Обуховскому, выступает как эмоциональное состояние, «когда индивид не только спокоен, будучи уверен, что ему не угрожает ничто неожиданное (это не обязательно соответствует действительности, но также чувствует, что является объектом эмоционально окрашенного интереса» [51. С. 164]. Овладевая средствами эмоционального общения, человек приобретает личностные качества, опредмечивая в себе общественный опыт идеологических и производственных отношений. Сами по себе внешние физические действия – мимика, пантомимика, интонационная структура речи и др., обладая знаковой функцией, никакой информации коммуниканту не сообщают, однако, выступая в сложной сети отношений знака с другими знаками и конкретной ситуацией в целом, социальная эмоция становится социальным сигналом [52. С. 52].

Исследуя психологические основы наименования, Д.Н. Узнадзе отмечает, что «прежде чем первобытный человек выработал функцию наименования словом, он уже был знаком с *языком звуковых комплексов и жестов, как со словами аффекта и желаний*» [53. С. 7–8]. Эмоциональность интонирования – то, что сегодня отошло на второй план в человеческой речи – на заре становления человека было основным в языке общения, в рамках которого и сформировался современный язык. Д.Н. Узнадзе прослеживает эти этапы: в процессе развития звуковых комплексов путем речи надо отметить два главнейших основоположных этапа: «первый, когда звуковой комплекс хотя бы *обще* выступает как комплекс, носящий *значение*, и второй, когда он переживается *как знак*, символ, имя определенного значения». И дальше, «если на первой ступени основной для слова была функция *выявления эмоционального состояния* субъекта, то теперь оно приобретает функцию наименования» [50. С. 5].

Благодаря тому, что социальная эмоция входит в структуру социального общения как целостную систему, эмоциональный язык становится достоянием каждого общественного индивида и в то же время, существуя независимо от него как объект, как общественная ценность, выступает, наряду со словом, мощным регулятором человеческой жизнедеятельности.

4. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЭМОЦИЯ КАК ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ И МЕРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

4.1. Формирование духовных основ эстетической эмоциональности

Развитие человеческого общества не сразу формирует такую эмоцию, какую мы сегодня называем эстетической. От чувственно-конкретного отражения бытия до приобретения способности созерцать, оценивать плоды своих усилий в уже очеловеченной среде – вот дистанция эволюционного созревания эстетической эмоции. Интересные данные по этому поводу мы находим у академика А.П. Окладникова. На богатейшем археологическом и этнографическом материале А.П. Окладников обосновывает тезис о том, что эстетическое переживание появилось не как продукт отражения якобы существующего в природе еще до человека элемента эстетического (и в этом отношении он справедливо критикует И.Б. Астахова), но как качественный скачок в отражательной деятельности человека, как высокий уровень социализации индивида, как продукт социального освоения действительности.

Исследуя истоки восприятия цвета, А.П. Окладников утверждает, что цвет как реальное свойство природы многие сотни тысячелетий оставался за пределами первобытного сознания неандертальца. Выделение из всей массы явлений окружающего мира цвета, его осознание были связаны не с особого рода зрительными ощущениями, но прежде всего с небывалой по интенсивности и сложности работой человеческого мозга – ведь человек видит не глазами, а мозгом. Цвет стал воспринимаем благодаря ассоциативному способу мышления, отражающему богатство социального опыта. Мыслить по ассоциации – это приобретенная в освоении мира сугубо социальная способность [54. С. 67]. Обращая на это внимание, Г.В. Плеханов в «Письмах без адреса» подчеркивал, что «ощущения, вызываемые известным сочетанием цветов или формой предметов, даже у первобытных народов ассоциируются с весьма сложными идеями... Многие из таких форм и сочетаний кажутся им красивыми только благодаря ассоциации» [55. С. 10–11].

В психическом отношении ассоциативное мышление представляет собой высокий уровень воображения, его собственно человеческую форму. Известно ведь, что наука не отрицает наличие элементов воображения и у животных, однако работа животного с

моделью мира, данной в его воображении, весьма ограничена, да и модель крайне примитивна, ибо в ней проецируется в будущее только то, что было в прошлом, почти не видоизменяется ранее приобретенный опыт [56. С. 20–21].

Человеческий этап воображения, как высший уровень социального отражения, характеризуется активным, творческим началом. Это значит, что воображение предполагает максимальную мысленную переработку и преобразование исходного образного материала, дающего возможность строить будущее иным, чем было прошлое. «Чтобы преобразовывать действительность на практике, – пишет С.Л. Рубинштейн, – нужно уметь преобразовывать ее и мысленно. Эту потребность удовлетворяет воображение» [16. С. 324].

Важнейшую роль в процессе ассоциативного мышления в воображении играет память. Именно она дает исходный образный материал для построения мысленной модели мира. Хотя память никогда не отражает мир абсолютно точно, вместе с тем она позволяет даже самой «буйной» фантазии сохранять связь с реальностью. Благодаря этому возникает преемственность между старым и новым опытом, обычно проявляющаяся в обнаружении некоторых черт старого опыта в структуре нового, и т.д.

Запечатлевая в себе приобретенный социальный опыт, воображение представляет возможность человеку как бы выйти за рамки конкретно-чувственного взаимодействия с предметом и с этой новой ступеньки оценить плоды своего труда, регулировать свои дальнейшие действия и т.д., т.е. отражать мир сквозь призму известного ему социального опыта. Эта новая ступенька и есть феномен сознания. По этому поводу Л. Фейербах писал: «Сознание в самом строгом смысле имеется лишь там, где субъект способен понять свой род, свою сущность» [57. С. 31]. В гносеологическом отношении такую способность отражения можно назвать интеллектуальным и эмоциональным удвоением. Поясним эту мысль.

Объясняя эффект двойного выражения эмоций, психологи исходят из той несомненной связи, которая существует между эмоциями и фантазией. В частности, Л.С. Выготский, опираясь на данные экспериментальных исследований, показывает способность наших эмоций выражаться в телесной (мимика, пантомимика и т.д.) форме и в форме фантастических представлений и образов, возникающих на единой биологической основе. «Все фантастические и нереальные наши переживания, – пишет Л.С. Выготский, – в сущности протекают на совершенно реальной эмоцио-

нальной основе. Таким образом, мы видим, что чувство и фантазия являются *не двумя друг от друга отделенными процессами*, но, в сущности, *одним и тем же процессом*, и мы вправе смотреть на фантазию как на *центральное выражение эмоциональной реакции*» [58. С. 265] (курсив мой. – *В.В.*).

Опираясь на данные психологии, мы приходим к выводу, что эмоциональное и интеллектуальное удвоение есть не что иное, как реализация в формах фантазии той «социальной информации», которая не смогла получить своего выхода на уровне конкретно-чувственного контакта с миром, на уровне эмоционального языка общения как первичной формы объективированного сознания. Речь идет о том, что в процессе социализации человека возникает такой момент, когда средства материального общения людей, язык их реальной жизни оказались весьма ограниченными и несовершенными для передачи накопившегося опыта. В связи с этим человек посредством воображения выходит за рамки непосредственного мышления в сферу отвлеченных, абстрагированных построений, в сферу фантазий.

Нереализованная в предметно-чувственной сфере эмоция находит выход в форме образного мышления. Отсюда сама эта форма и есть объективированное выражение эмоции. С другой стороны, возникновение эмоциональной реакции на эту мысль есть эмоция высшего порядка, снимающая в себе содержание воображаемой мысли. Не случайно В. Гумбольдт замечает: «Воспламенять воображение с помощью воображения – вот в чем секрет художника» [59. С. 141].

Проследим переход эмоции в мысль и мысли в эмоцию на примере стихотворения В.В. Маяковского «Прозаседавшиеся» [60. С. 22].

Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной, **а**
дикие проклятья дорогой изрыгая.
И вижу:
Сидят людей половины.
О дьявольщина! **а1**
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум...
С волнения не уснешь... **а2**

Знаки **а**, **а1**, **а2** обозначают разные уровни проявления эмоций. Так, **а** – выражение эмоции на уровне конкретно-чувственного контакта с миром; **а1** – реакция на **а** или ее объективированное выражение в рамках воображения в форме мысли; предметом эмоционального пережнвания **а2** является **а1**, т.е. предметом эмоции **а2** стало содержание воображаемой мысли

Объективация эмоции в рамках сознания есть процесс ее интеллектуализации. Результатом этого процесса является мысль как объективированная форма эмоции. Эмоциональная реакция на эту мысль есть процесс субъективации, т.е. снятия в эмоциональной форме содержания воображаемой мысли. Диалектика объективированной и субъективированной форм эмоционального отражения в рамках воображения есть отображение сознанием реальной диалектики между субъектом и объектом. Это отображение и есть качественно иное, вторичное проявление как эмоции, так и интеллекта.

Если в реальном взаимодействии с действительностью предметом эмоционального и интеллектуального отражения являлась сама жизненная реальность, то в воображении предметом отражения выступает мысль об этой реальности или эмоциональное отражение и отношение к этой мысли. Важно лишь отметить интенциональный характер эмоциональной деятельности сознания. «Сознавать – значит «иметь в виду», «мнить», «интендировать» что-то, но сознавать что-то не значит просто иметь это что-то в сознании» [61. С. 65]. Интендировать – значит иметь дело не с эмпирически-вещественной природой предмета, а со смысловой структурой, которую образует само сознание. «Интенциональное переживание идентично предмету, но сам предмет при этом берется «умно», т.е. в эйдосе, непреходяще и неуничтожимо; в этом отношении интенциональное переживание, скажем, «Сикстинской мадонны», более реально, чем само полотно, реальность которого предоставлена на милость случая» [61. С. 65].

Существенной чертой интенциональных переживаний является не только их направленность на объект, но и полная нейтральность в отношении его онтологической характеристики [61. С. 66]. Благодаря тому, что социальная эмоция входит в структуру социального общения как целостную систему, эмоциональный язык становится достоянием каждого общественного индивида и в то же время, существуя независимо от него как объект, как общественная ценность, выступает, наряду со словом, мощным регулятором человеческой деятельности.

В практической деятельности человек не только объективирует свои эмоции в языке, но и во всех проявлениях предметной деятельности. В динамическом (историческом) плане такое единство просматривается на разных уровнях.

Первый уровень этого синтеза носит стихийно-тотальный характер, где господствует, по выражению В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили, «живая субъективность» [62], т.е. такая субъективность, где человек не фиксирует свою полную выделенность из мира, где он тождествен с ним, где деятельность его синкретична, сознание – мифологично, а язык общения носит «инкорпорированный», как замечает А.Ф. Лосев, характер [63. С. 313], т.е. субъект здесь еще безличен, выступает в виде слепой силы, не осознающей предметность своей активности.

Второй уровень зафиксирован в номинативном строе языка [63. С. 339]. Это уровень разделения труда, где доминирует духовное противопоставление, а лучше сказать, элиминирование из предметного, где оппозиция субъекта и объекта была крайне обострена (что получило абсолютизацию в рационалистской философии) вплоть до полного забвения того, что их противоречие развертывается в рамках природно-социальной целостности.

Третий уровень – внимание к единым основам объекта и субъекта, стремление к разрешению, гармонизации многочисленных и сложных существующих противоречий между ними. Осознание необходимости интеграции и синтеза и обретение его – это не реанимация слепого синкретизма, но разумная организация целостности мирочеловеческих отношений по законам гармонии мер природы и человека, т.е. по законам эстетического, о чем и пойдет речь в следующей главе.

Заключить этот раздел можно словами А.Н. Леонтьева: «Возникновение предметных чувств (т.е. эмоций, переживаний, настроений от воздействия предметов на наше живое восприятие. – *В.В.*) приводит к формированию устойчивых эмоциональных отношений своеобразных «эмоциональных констант», которые вполне коммуникабельны, т.е. могут передаваться подходящим для этого выразительным языком психологического раскрытия (например, языком лирики направленной речи, языком искусства)... Как и все идеальные явления, эмоции могут обобщаться и коммуницироваться; у человека существует не только индивидуальный эмоциональный опыт, который им усвоен в процессах коммуникаций» [35. С. 17].

Для дальнейшего исследования причин, обусловивших появление эстетической эмоции, важно выделить следующее: эмоция, возникшая в результате отражения воображаемой мысли, есть в социологи-

ческом отношении проявление высшей сущностной силы человека. Подобного рода высших эмоций с духовным основанием различают четыре вида: интеллектуальные, нравственные, религиозные и эстетические. В чем же особенность эстетической эмоции?

4.2. Специфика эстетической эмоциональности

Во многих работах специфика эстетических эмоций обнаруживается путем сравнения их с эмоциями обыденными [66]. Мы намерены решать эту проблему несколько иначе. Эстетическая эмоция будет рассмотрена как структурный элемент в системе высших социальных эмоций. Согласно деятельностно-целевому подходу различия элементов в системе высших социальных эмоций будут выявляться прежде всего по специфике объекта и по их направленности к объекту, в котором они утверждаются практикой субъекта.

Интеллектуальная эмоция, возникая как продукт умственной деятельности, направлена на выявление существенных свойств объекта. В конечном итоге интеллектуальная эмоция утверждается в теоретических, научных знаниях и текстах, в формировании науки как высшей интеллектуальной формы общественного сознания.

Нравственная эмоция направлена к субъекту. Она «неприложима к неодушевленным предметам, к жизни животных». Нравственные эмоции возникают по поводу нравов и действий людей и обращены к людям [64. С. 94]. Предметом нравственной эмоции является процесс «обработки людей людьми» (К. Маркс). В конечном счете нравственная эмоция утверждается в поведении личности, в моральной сфере общественного сознания.

Эстетическая эмоция и являющаяся ее антиподом религиозная эмоция направлены на отражение акта отношения между объектом и субъектом. В чем их общие и отличительные признаки? Как эстетическая, так и религиозная эмоции связаны с созерцанием действительности, и у той, и у другой эмоции предмет отражения – объективная реальность в гармоническом единстве ее субъектно-объектных сторон.

Различия заключаются в том, что религиозная эмоция отражает эту реальность в иллюзорном плане. «Бездонно человеческое невежество, – пишет В.И. Ленин, характеризуя религиозную сущность человеческого сознания, – и безгранична человеческая сила воображения; сила природы, лишениая, вследствие невежества своего основания, а благодаря фантазии – своих границ...» [44. С. 59]. Возникновение религиозных переживаний явилось естественным выражением эмоционального отношения людей к господствующим

над ними силам природы. Не умея и не зная, как бороться со злом, люди уходили в мир фантазий, находя там утешающее их выражение человеческой сущности. Характерным для религиозной эмоции становится стремление человека «устранить, – как говорит Л. Фейербах, – неприятные чувства и создавать себе приятные, получать то, чего у него нет, но что ему хотелось бы иметь, а удалять то, что он имеет, но чего иметь он не хотел бы...» [57. С. 712].

Однако типичным для религиозной эмоции является не только преобразование отрицательной эмоции, поступившей в воображение из реальной жизни, в положительную, но и оборачиваемость этой положительной эмоции на выходе в практику вновь в эмоцию отрицательную. В силу иллюзорности религиозных образов религиозная эмоция выступает лишь некоторым психологическим амортизатором, порождая временное успокоение и положительный настрой души, но все это существует до первого столкновения с жизненной реальностью. Недаром К. Маркс назвал это свойство религиозного переживания «духовной усладой», которая действует на психический мир личности как опиум [65. С. 415].

Религиозным переживаниям, как, впрочем, и любым другим нерелигиозным фетишистским представлениям, присущ характер духовной отчужденности, ибо в них, как правило, срабатывает общий принципиальный механизм ложной идеальной репрезентации. Ведь основными вехами любого «идеального отражения выступают эталонный объект, схема действия с ним и экстраполяционные способности сознания – восстанавливать по знанию о части содержание целого. Если репрезентант выбран неверно, или схема действия неправильна, или экстраполяция части на целое неограничена, то возникают различные классы иллюзорных идеальных образов. Некоторые из них, будучи общественно или индивидуально значимыми, при определенных условиях превращаются в образы религиозного сознания» [66. С. 35]. Отсюда и отчужденный характер религиозных переживаний, ибо вера, определяющая их содержание, делает человека рабом собственного духовного тоталитаризма, ограничивая его реальную свободу.

Неприменимость религиозного «знания» к практике земных реалий дезориентирует человека в мире, нагнетает атмосферу неуверенности и страха. Поэтому можно утверждать, что религиозная эмоция есть лишь продукт социального освоения, но не его условие. Такая односторонность религиозной эмоции показывает относительный характер ее существования лишь в рамках психологии воображения, говорит о низком уровне ее прикладных воз-

можностей. Поэтому в ходе эволюционного развития религиозная эмоция, с одной стороны, будет всегда демонстрировать свою отчужденность объективным процессам материально-цивилизационного развития социума, с другой – в силу относительности истины и вхождения всякий раз человека в сферу еще не изведанного, будет создавать реальные предпосылки для своего возрождения как сила, выражающая виртуальную предметность.

Иначе дело обстоит с эстетической эмоцией. Ее отличительный признак заключается в том, что она всегда положительна. С отрицательным знаком эстетической эмоции не бывает, даже если она отражает безобразное, обозначая при этом движение субъекта деятельности в сторону гармонического идеала. В противоположность религиозной эмоции эстетическая эмоция поступает в воображение из практики как отражение господства человека над силами необузданной стихии, как выражение в продуктах человеческого труда «опредмеченной родовой жизни человека» [39. С. 158]. Подчиняясь общей закономерности эмоциональной формы отражения, выраженной в стремлении живого существа максимизировать однажды пережитые положительные эмоции, в воображении, в рамках эстетической эмоциональности порождается потребность множить такие ощущения и опредмечивать их своей деятельностью. Это, так сказать, эстетическая потребность, особенность которой состоит в стремлении реализовывать намерения субъекта снимать противоречия жизни в сторону их гармонизации.

Побудительная функция эстетической потребности не оставляет человека в роли созерцателя, но формирует в нем способности изменять мир по законам гармонии и красоты. Поэтому можно заключить, что на выходе в практику эстетическая эмоция вновь проявляет себя как положительная. Но это в психологическом плане. В социокультурном аспекте эстетическая эмоция не ограничивает реальную человеческую свободу и в силу этого не имеет отчужденного характера. Эстетическое сознание не связано с переживанием иллюзорных идеальных образов, репрезентант в нем всегда, по мнению переживающего субъекта, выбран верно, что обычно и подтверждается практикой. Во всей палитре эстетических переживаний (прекрасного, безобразного, трагического, комического, возвышенного, низменного и т.п.) человек не теряет ощущения своей свободы.

Если исходить из того, что в своем сознании человек всегда свободен, то в эмоционально-эстетическом состоянии он находит,

что ему дано безмерно много счастья. И только потому, что жизнь накладывает множество ограничений на его свободу, он превращается в существо страдающее и глубоко трагическое. Однако весь пафос эстетического переживания, в отличие от религиозного, состоит в том, что оно не только духовно, но и практически связано с преодолением внешних ограничений. В эстетической эмоции всегда переживается момент реально обретенной им свободы, момент превращения «человека страдающего» в «человека радующегося». На этом основании можно дать следующее «рабочее» определение понятию «эстетическая эмоциональность»: *эстетическая эмоциональность - это высший неотчужденный уровень духовной эмоциональности, выражающийся в способности субъекта не только свободно ощущать красоту мира, но и создавать ее, преодолевая дисгармонию жизни.*

Мы отдаем себе отчет в том, что предпринятое разграничение между религиозной и эстетической эмоциональностью нами представлено в традиционно-материалистическом ключе. Между тем религиозная эмоция на практике пусть опосредованно, через особый настрой и состояние верующего, способна тоже давать позитивные результаты (например, в регуляции нравственных отношений). Поэтому уточним свою позицию: поскольку религиозная и эстетическая эмоция «заняты» в системе человеческой жизнедеятельности раздвоением единого и единением различного, то наиболее бесспорным, на наш взгляд, отличительным свойством является то, что эстетическое переживание в своей посылке всегда исходит из реального равенства субъекта и объекта, в то время как религиозная эмоция выражает это равенство, но как гармонию реального и ирреального, земного и потустороннего, сверхъестественного.

В религиозной эмоции, в силу ее ориентации на трансцендентное и сверхчувственное, присутствует момент, интуитивно рефлексирующий духовную зависимость субъекта от внешних сил. Это превращает субъекта в объект, лишает его подлинной свободы в отношении с миром. Важно заметить, что вне или без эстетического компонента, как ответственного за гармонизацию субъектом своих отношений с объектом, религиозного переживания не бывает. Любая религия использует и ориентируется на «свое эстетическое» там, где гармония реального и ирреального выступает предметом и целью религиозного отношения. В то же время эстетическая эмоция может существовать вне и без религиозной предметности, раскрывая в реальном бытии свою самоценность. В том,

что эстетическое шире, универсальнее и практичнее (в смысле преодоления необходимости) религиозного, мы и видим различие между ними.

4.3. Эстетическая эмоциональность как способ душевно-духовного освоения действительности

Ранее мы говорили о том, что эстетическая эмоция по своей природе биосоциальна и духовна. По Шиллеру, в ней «разум, свобода и духовность вышли из своей абстрактности и, объединенные с разумной в себе стороной природы», получили «плоть и кровь» [67. С. 66]. Эстетическая эмоциональность приобретает статус категориальности. Но категориальность эта, заключая в себе абстрактно-всеобщий характер эстетического как выражения гармонического бытия мирочеловеческих отношений, становится заземленным, реальным, приобретая единый оттенок уникальности и всеобщности. Отягощенная содержанием эстетической духовности, эстетическая эмоция по внутренней своей природе адекватна этому содержанию, там «необходимость (природа) и свобода, чувственность и понятие одновременно находят свое оправдание и удовлетворение» [68. С. 92]. Все это показатель того, что эстетическая эмоция – это форма бытия, с одной стороны, эстетического в сознании, а с другой – эстетического сознания в системе жизнедеятельности.

Поясним этот момент. В структуру эстетического объекта входит эмоционально-психологический аспект. Это тот слой эстетического, который связан с реально-практическими особенностями жизни человека, где природное и социальное гармонически интегрировано. Вместе с тем это не только имманентный, но и рефлексивный слой, дающий возможность человеку каждый раз убеждаться в реальности эстетического как чувственно-воспринимаемого, созерцаемого, переживаемого и нормативно-проектируемого объекта.

Обозначая категорией «эстетическая эмоция» состояние целостности эстетического сознания, мы хотели бы подчеркнуть главное: в ней находит свою особую форму выражения эстетическое мировоззрение. В этом случае «эстетическая эмоция» обретает всю полноту мировоззренческо-эстетической содержательности, а эстетическое мировоззрение модифицируется в формы эстетического мироощущения и мипереживания. Учитывая это обстоятельство, приступим к рассмотрению функциональной структуры эстетической эмоции как способа бытия эстетического сознания и деятельностно-практической формы освоения действительности.

Функциональная структура эстетической эмоции в гносеологическом, аксиологическом и проективно-нормативном аспектах находит свое адекватное выражение соответственно в категориях «эстетическое чувство», «эстетическое переживание», «эмоционально-эстетический настрой».

Эстетическое чувство – это эмоциональная форма отражения и выражения социально-эстетического опыта, способность с его помощью эстетически постигать и переживать действительность. Гносеологический характер эстетического чувства определяется тем, что оно не импульсивно, но устойчиво, поскольку выражает индивидуально усвоенный социальный опыт. Эстетическое чувство, соприкасаясь с действительностью, переживает то, что содержится в памяти субъекта, что служит ему определенным основанием ориентации в мире. Эстетическая информация, эмоционально переживаемая в эстетическом чувстве, может быть разного уровня и любой направленности: от эстетического ощущения и образного впечатления до категориального знания или нормативного предписания. Можно с уверенностью сказать, что информация об эстетическом становится эстетическим опытным знанием, если она пережита субъектом. Знания не пережитые не становятся для субъекта выражением его сущностных сил, в большей части такие знания чужды субъекту, угнетают его волю. Пережитые знания это полноценные знания, ставшие не просто компонентом, но способом существования сознания, его состоянием. Такие знания – универсальны, поскольку, с одной стороны, прочувствованы сознанием, а с другой – модифицируют всю систему сознания в целостный феномен осмысленного (одухотворенного) чувства. Примером такого проявления эстетического чувства могут служить слова поэта [69. С. 347]:

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для меня воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
И сердца первая любовь.

Эстетическое чувство поэта в данном случае выступает и как способ существования эстетического знания («Встречал я счастьем каждый день»), и как способ существования (состояния) его эстетического сознания («И для меня воскресла радость...»).

Для гносеологической характеристики эстетических чувств важно определить их ложность или истинность, развитость или неразвитость в постижении эстетических свойств действительности.

По Марксу, эстетические чувства, в отличие от грубых утилитарных чувств, обладающих лишь ограниченным смыслом, несут в себе информацию, соответствующую «всему богатству человеческой и природной сущности» [70. С. 122]. Эти чувства имеют конкретно-историческое содержание эстетического и всегда способны к утверждению себя как человеческой сущностной силы. Такие чувства в своем развитии стали в непосредственной практике эстетического освоения «теоретиками» (Маркс), приобрели способность очеловечивать человеческие страсти и наслаждения, схватывать в них через явление сущность, через индивидуальное – общее, через природное – социальное, через духовное – материальное. Обращая внимание на одухотворенность человеческих чувств, Маркс подчеркивает: «Лишь благодаря предметно развитому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, – короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т.д.) – одним словом, человеческое чувство, человечность чувств возникают благодаря наличию соответствующего предмета благодаря очеловеченной природе» [70. С. 122].

Духовность эстетического чувства обнаруживается в разных познавательных актах. Так, в эстетических ощущениях или в так называемой эстетической перцепции глубинная социально-ценностная сущность выносится субъектом на поверхность сознания и становится предметом его переживания. В этом переживании, как подчеркивает Д. Лукач, осваивается «предложенный ему «снимок» с действительности как свой собственный мир, как мир, который противостоит ему, независим от него, но с которым он неразрывно связан как субъект восприятия» [68. С. 92]. В эстетическом созерцании чувственное восприятие предмета преподносится умственному взору не как мысль, заинтересованная в этом предмете, а как чувство, рефлектирующее во внешнем облике (форме) предмета внутренне целостное гармоническое единство жизни. Здесь происходит, как говорил Кант, рождение чувственного удовольствия не столько из ощущения как такового, сколько из рефлексии над его ценностным содержанием [71. С. 70]. Благодаря действенности эстетического чувства в процессе эстетиче-

ского созерцания происходит эмотивация и идеальная эстетизация чувственно данного предмета, форма предмета превращается в символ, наполненный метафорическим смыслом, изображающим и выражающим эстетическую ситуацию жизни этого предмета. В эстетическом созерцании как чувственно осмысленном акте происходит постижение сущности и существования предмета в их неразделенности, поэтому, как указывает Гегель, оно не вводит в сознание понятия как такового, не идет дальше предчувствия его [67. С. 133].

Эстетическое чувство наполняет эстетическим опытом процесс эстетического созерцания, поэтому смутные предчувствия, о которых говорит Гегель, превращаются в эстетическое состояние души, созвучное или адекватное состоянию эстетически воспринимаемого предмета. «Такой характер получает, например, тишина лунной ночи, покой долины, через которую извилисто протекает ручей, возвышенность неизмеримого волнующегося моря, спокойное величие звездного неба» [51]. Эти состояния эмоциональны и вполне осознаваемы именно как эстетические.

В эстетическом созерцании, благодаря эстетическому чувству, задействовано и воображение субъекта, активность которого придает динамику процессу чувственно воспринимаемых явлений. Процесс этот связан с интуицией и ассоциативным мышлением, где рефлексивность принимает разноуровневый характер. В очерке «Поэзия гр. А.К. Толстого» В.С. Соловьев, к примеру, выделяет три рефлексивных уровня бытия эстетического чувства. Первый уровень – целостное мироощущение. Подобный тип рефлексии характерен для творческого мироощущения А.С. Пушкина. Особенность пушкинской рефлексии В.С. Соловьев метафорически соотносит то с «пылью на чудесном алмазе», которая не устраняет ценности последнего, то с башмаками, в которых правоверные гуляют по улицам, но оставляют у входа в храм».

Второй уровень метафорически выражен лейтмотивом «И скучно, и грустно», т.е. уровнем разрушающейся цельности первичного ощущения, что характерно для творчества Баратынского и Лермонтова. Рефлексия здесь выступает резонирующим началом на почве субъективных впечатлений, т.е. удовлетворением собственной неудовлетворенностью.

Третий уровень эстетической рефлексии характерен для мироощущения Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого. В.С. Соловьев называет этот уровень рефлексивности «поэзией гармонической мысли». Разорванный характер рефлексии второго уровня здесь преодолевается доминантой положительного начала, поиска гармонической цельности с

миром, противостоящим человеку. При этом Тютчев характеризуется как «поэт созерцательной мысли», а Толстой – «воинствующий, волевой...». Такая «работа» рефлексивного момента в рамках эстетического созерцания приводит, с одной стороны, к постижению эстетических качеств воспринимаемого предмета, с другой – к информационному обогащению эстетического опыта (памяти) и чувства. Уровень самосознания и рефлексии в эстетическом созерцании помогает эстетическому чувству ощутить свою категориально-эстетическую оснащенность и на ее основе дифференцировать действительность на ценностно-позитивное или негативное, активизировать субъекта на поиск путей преодоления негативного и приумножения позитивного. Можно говорить в связи с этим и о модификациях эстетического чувства в чувство прекрасного, безобразного, трагического, комического и т.п. Сложная и противоречивая жизнь этих чувств характеризуется переходом их друг в друга или доминированием одного над другим, выступает внутренним механизмом бытия эстетического чувства как одного из аспектов эмоциональности эстетического сознания вообще. Безусловно, необходимо учитывать, что, выступая гносеологическим компонентом эстетической эмоциональности, эстетическое чувство всегда исторически обусловлено и индивидуально окрашено. Уровень развитости и подлинности содержания эстетического чувства находится в прямой зависимости от уровня общей культуры субъекта и истинности исповедуемой им эстетической меры.

Ценностный аспект эстетической эмоциональности может быть представлен понятием «эстетическое переживание». В отличие от эстетического чувства эстетическое переживание отображает и выражает эстетический опыт не со стороны его результативности и условия, но со стороны процесса его формирования и развития. Пережить – значит эмоционально оценить отраженное, ценностно отрефлексировать, произвести выбор, осуществить поиск необходимого решения для правильного поведения. В структуре эстетического переживания происходит процесс внутренней перестройки и переработки эстетической информации. Эстетическое переживание – это эмоционально-эстетическая жизнь сознания. Именно в переживании знание становится ценностью, а ценность – целью. Переживание затрагивает все слои сознания и психики. Это процесс рефлекторно-рефлексивный, психофизиологический и одновременно духовно-идеальный, это жизнедеятельность внутреннего мира субъекта. Оно всегда единично, уникально и социально-всеобще. Переживание – это вторичное душевно-духовное прожи-

вание прожитого. Поэтому в аксиологическом плане целостность переживвния можно представить единством эмоциональной оценки, ценностной рефлексии и ценностной ориентвции.

Если в акте эстетического восприятия или созерцвния в ясном поле сознания находится не вся ситуация, а лишь «не-Я», где чувство «Я» присутствует лишь на периферии сознания, как неосознаваемое, смутное чувство, то в акте эстетического переживания «Я» выступает центрирующей, активной силой эстетического сознания.

Сначала эта силв соотносит ситуацию «не-Я» с эстетическим опытом и возможностями (способностями) «Я». В этом соотнесении происходит эмоциональная, а затем и вербальная рефлексия (оценка) того, насколько «не-Я» соответствует «Я», или наоборот. Притом такая оценкв дается мгновенно, без привлечения аппарата логического анализа, в форме эмоционального ощущения тнпа «нравится – не нравится». В этой оценке окружающая средв характеризуется как внутреннее состояние субъекта, ощущаемое как сущностная или же отчужденная ему сила. Однако при эстетической оценке независимо от позитивного или негативного результата в рамках эстетического переживания происходит качественный скачок возвышения потребности. Суть его в том, что в обоих случаях удовлетворения или неудовлетворения первоначальных потребностей в эстетическом возникает чувство прозрения и очищения. Зарождается катарсический эффект, который определяет специфику именно эстетического переживания не объектного, а субъектного, деятельностного, ориентированного на эстетический идеал.

В рамках катарсиса происходит как бы переоценка ценностей, эмоционально рефлексируется не сама по себе эстетическая ситуация жизни, а отиошение к ней субъекта. Зарождается на этой основе новая потребность – ценностная, характеризуемая нами как эстетическая способность относиться к своему взаимодействию с миром с точки зрения эстетического идеала. Катарсис – это и есть переживание практического как идеального. В этом аспекте эстетическое переживание выступает как ценность, ибо такое переживание схватывает весь мировоззреический эстетический опыт субъекта и выражает его в позитивном социальном знаке. Катарсическне эмоции – это переживание настоящего с высоты целостного будущего, это социально и категориально обогащенные переживания. Нужно подчеркнуть, однако, что этим особенность позитивности катарсических эмоций не ограиичивается. Мы не разделяем позицию некоторых теоретиков, считающих, что эсте-

тическое переживание – это лишь созерцательно-идеальный феномен, который лишен какого-либо реализационного импульса.

Возвышение эстетической потребности в рамках эстетического переживания не замыкается переходом ее из оценочной в ценностную. Движение идет дальше. Ценностная эстетическая потребность трансформируется в потребность творческую, в потребность воплощения эстетического в действительность, в реальные поступки субъекта. В рамках эстетического переживания она существует как ценностно-ориентационная эстетическая потребность [72], как потребность в поиске путей объективизации и реализации ценностных эстетических переживаний субъекта, в выборе средств и условий, позволяющих выразить и закрепить в поступке сущностные силы субъекта. Ценностно-ориентационная эстетическая потребность переводит само эстетическое переживание в новое качество, поскольку уже затрагивается проективно-нормативный аспект эстетической эмоциональности. И катарсический эффект характеризуется уже не только как эмоционально-ценностное переживание (наслаждение или разочарование) эстетического, но и как общепозитивный эмоциональный настрой на творческую деятельность, на утверждение эстетической меры в мире, на изменение его по законам красоты. Формируясь в недрах эстетического переживания, эстетическая эмоция-настрой представляет собой свернутое выражение эстетических потребностей, интересов, установок, идеалов, целей, планов и программ эстетической деятельности и способов их реализации. Это не просто эмоциональный фон и движущая сила, но форма и цель опережающего, прогнозирующего эстетического отражения, ориентирующая субъекта на смысл эстетического освоения действительности. Вспомним в связи с этим строки пушкинского «К Чаадаеву» [73. С. 346]:

...Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

В эмоционально-эстетическом настрое человек ощущает свободу своих действий, нейтрализующую необходимость, преаращающую труд в форму выражения субъектом своих сущностных сил. Ощущение свободы может стать подлинно эстетическим фактором переживания только при условии ориентации на реальные, а не мнимые эстетические ценности. Там, где обнаруживается разрыв между ценностным и творческим, реальным и идеальным, словом и делом, возникает возможность девальвации подлинных эстетических переживаний.

Известно, например, что абсолютизация творческого начала, обеспечивающая самореализацию человека любой ценой, без учета его ценностной ориентации часто находит выход в религиозно-мистических мотивах в силу аксиологической нейтральности творческой активности субъекта. Особенно это касается экзистенциалистско-персоналистического направления (М. Медомсель, Э. Мунье, А. Бечен и др.) [74. С. 126–131].

Поясним ситуацию разрыва между ценностным и творческим на примере эмоционально-эстетического настроя, который возникает в момент подготовки и отправления праздничных обрядов и ритуалов. «Праздник, – замечает А.И. Мазаев, – имеет самую прямую связь с миром высших целей человеческого существования... главный смысл праздничной культуры – это создание условий для свободной жизни человека. Отношение праздника к миру идеалов является определенным изначально, а тождественность его свободе, будучи принципиальной, служит гарантом этого отношения» [75. С. 110]. В мироощущении праздничности, однако, может быть скрыт критерий как подлинности, так и мнимости переживаемых идеалов свободы. Подлинность таких переживаний состоит в том, чтобы идеал свободы, построенный воображением, соответствовал свободе реальной, объективной. Когда же удовольствие вызывается воображением за счет создания иллюзорной, фантастической картины жизни в голове субъекта, то это дезориентирует его в реальной практике. Происходит психологическое и социальное отчуждение от подлинного ощущения свободы, ориентация на мнимые ценности и наслаждения, разрушающие реальную личность. «Большинство празднеств в истории, – замечает по этому поводу А.И. Мазаев, – на всех ее этапах олицетворяло собой отрицательную свободу, «свободу от труда («праздность»), от норм будничной жизни, от правил обычного поведения, в лучшем случае свободу как психологическое состояние, как оргазм, экстаз и др.» [75. С. 113].

Конечно, человек живет согласно закону максимизации положительных эмоций. Но и здесь немало извращения, попыток по-

лучить удовольствие за счет насилия над природой человека. «Алкоголь, наркотики и изысканная пища, – пишет Г. Парсонс, – могут вызывать эйфорическое или спокойное чувство счастья, а медицинское исследование может обнаружить, что они вредны для тела и ума. Можно чувствовать себя благополучно, не будучи благополучным, а ощущать удовольствие – это не то же самое, что обладать благом» [76. С. 339].

Субъективистская теория гедонизма и стоит на том, что безотносительность наслаждений и удовольствий, полученных любой ценой, есть цель и смысл жизни, есть постижение истинной ее красоты. Фактически же это уход от жизни и тем более от ее эстетических идеалов. Материалистическая теория эстетических эмоций исходит не из мнимых и безотносительных идеалов, а из реальных условий организации человеком своего бытия, которое связано с подлинно человеческой радостью, подлинно эстетическим переживанием и мировоззрением.

В заключение отметим, что от качества мировоззрения зависит духовное содержание эстетической эмоциональности как целостного проявления реального эстетического сознания. Если эстетическая эмоциональность и эстетическое мировоззрение взаимосвязаны друг с другом как форма с содержанием, то какова же роль эстетического вкуса в характеристике целостности эстетического сознания? Это тема дальнейших наших размышлений.

4.4. Вкус как целостная форма эмоционально-эстетического освоения действительности

Диалектика рационального и эмоционального, духовного, душевного и практического в эстетическом сознании выражена понятием эстетического вкуса. Любой вкус, в том числе и эстетический, демонстрирует целостность состояния сознания субъекта как душевно-духовно-практической реальности. Эстетический вкус характеризует это единство с точки зрения установления гармонии его составляющих. В данном случае речь идет о гармоническом единстве (неразложимости) между эстетическим мировоззрением и эстетической эмоциональностью. Такие уточнения мы делаем для того, чтобы была ясна наша позиция в теоретической дискуссии по поводу эстетического вкуса. В этой дискуссии, если учитывать историческую традицию, имеет место интерпретация эстетического вкуса в основном в пяти концептуальных смыслах: дуалистическом – концепция эстетического вкуса Канта, рассматривающего вкус как антиномичное, неразрешимое противоре-

чие между субъективным и объективным, чувственно-эмоциональным и рациональным, единичным и всеобщим; эстетико-экзистенциалистическом – концепции, сводящей вкус к первоначальному чувственно-эмоциональному опыту субъекта (М. Дюфренн); иррационалистическо-феноменологическом, рассматривающем вкус как феномен, способный в форме эмоционального, эмоционально-волевого внутреннего импульса разума обнаруживать, постигать эстетическое и растворяться в нем (Шопенгауэр, Ницше, Гуссерль, Хайдеггер); эстетико-интеллектуалистическом, абсолютизирующем во вкусе как компоненте разума эстетическое начало (Кьеркегор, Шеллинг); наконец, целостном, или комплексно-интегративном, где эстетический вкус пытаются объяснить как сложное многогранное образование, диалектически в себе сопрягающее природно-социальное, рационально-эмоциональное, индивидуально(единично)-всеобщее, сознательно-бессознательное, объективно-субъективное и т.д.

Мы придерживаемся последнего варианта и выделяем в эстетическом вкусе две особенности, характеризующие его как целостно-интегративный и гармонизирующий феномен эстетической эмоциональности. Мы полагаем, что именно эти особенности эстетического вкуса наиболее адекватно схватывают содержательную специфику эстетического. В чем конкретно это обнаруживается?

Во-первых, в том, что как эстетическое вообще, так и эстетический вкус в частности, есть духовно-практические формы реального процесса жизнедеятельности субъекта; во-вторых, эстетическое и вкус как целостные системы имеют деятельностную природу; в-третьих, своим свойством интегратора целостности в системе мирочеловеческих отношений вкус вносит специфику в определение эстетического (красоты), проявляющегося, если выражаться словами Шеллинга, как неразличимость нравственной свободы и объективной необходимости, «созерцаемых в реальном» [77. С. 393]. Наконец, в-четвертых, сам вкус, наполняясь эстетическим содержанием, выступает одной из форм бытия эстетического сознания субъекта в его конкретно-историческом проявлении.

Как феномен сознания, именно эстетический вкус «осознает» необходимость гармонизации противоречий и приводит в гармоническое состояние деятельность субъекта. И в этом смысле справедливо замечание Ф. Шиллера о том, что «только вкус вносит гармонию в общество, так как он создает гармонию в индивиде. Все другие формы представления разделяют человека, ибо они основываются или исключительно на чувственной, или на духовной части

его существа; только представления красоты делают человека цельным, ибо они требуют согласия двух его натур» [78. С. 129].

Как продукт и условие эстетической деятельности, вкус интегрирует и снимает в себе все формы гносеологической, аксиологической и проективно-нормативной функций эстетического сознания. В этом плане эстетический вкус выступает одновременно и знанием, и оценкой, и мотивом, и регулятором, и критерием, и ценностью для субъекта. Дадим краткую характеристику проявлениям эстетического вкуса.

В гносеологическом отношении эстетический вкус представляет собой ставший и становящийся эстетический опыт. Как ставшее знание эстетический вкус выступает в роли своеобразного фильтра, с помощью которого происходит освоение и усвоение жизненного эстетического опыта. Как ставшее знание, эстетический вкус представлен в форме такого эстетического образа, который выступает для субъекта в роли исходного принципа, эталона и критерия в его эстетическом освоении действительности. Универсальность эстетического вкуса – результат интегративной выраженности двух уровней: живого созерцания (любования) и абстрактного мышления. Кант эти уровни видел как неразрешимое противоречие между единичностью и всеобщностью. С одной стороны, он усматривал, что «не может быть никакого объективного правила вкуса... Искать такой принцип вкуса, который давал бы всеобщий критерий прекрасного посредством определенных понятий, – это тщетный труд, так как то, что ищут... невозможно и само по себе противоречиво» [79. С. 235]. С другой стороны, Кант провозглашает, что «высший образец, первообраз вкуса есть только идея ... по которой он (человек. – *В.В.*) должен судить обо всем, что может быть объектом вкуса» [79. С. 236].

Разрешение противоречий, указанных Кантом, как верно замечает Е.Г. Яковлев, возможно только с помощью принципа диалектического мышления, который позволяет использовать для снятия этого противоречия категорию «особенного». Однако описание «особенного» Е.Г. Яковлевым требует некоторой корректировки, ибо оно дается, на наш взгляд, не столько в диалектической, сколько в метафизической интерпретации. Категория «особенного», как пишет Е.Г. Яковлев, «не есть еще всеобщее, но уже и не является единичным, а находится между ними, в данном случае между эстетическим идеалом и эстетическим чувством» [80. С. 109]. Мы полагаем, что термин «находящееся между» может пониматься ограниченно, как рядоположенное,

идущее лишь в определенной последовательности. «Особенное» мы понимаем как системное свойство единичного и всеобщего. Эстетический вкус и выступает тем системным свойством реально «пульсирующего» эстетического сознания, в котором органически интегрированы категориально-мировоззренческо-родовой (всеобщее) и эмоционально-индивидуальный (единичное) эстетический опыт субъекта. Правда, в бытовании эстетического вкуса эти составляющие могут выступать доминантой по отношению друг к другу.

Эстетический вкус – не только ставшее знание, но и знание становящееся. Его устойчивость подвижна, содержание релятивно, ибо выражает становящуюся культуру субъекта. Как становящееся знание, эстетический вкус может быть носителем объективной, абсолютной и относительной истины. Поэтому для анализа содержательности эстетического вкуса необходимо применение принципа конкретности истины. С точки зрения гносеологического подхода проблема истинности эстетического вкуса всегда актуальна в силу своей двуликости (по Канту), т.е. судить об истинности эстетического вкуса – значит признавать духовность содержания его категориально-мировоззренческих установок и душевность эмоциональной уникальности. Поскольку объективное и субъективное наличествуют во вкусе в синтезе, то важным в определении его истинности является: а) выяснение истинности мировоззренческих оснований (концептуальных, ценностно-идеологических, нормативных) и б) учет того, насколько объективное и субъективное во вкусе гармонически согласуются. Учитывая эти обстоятельства, можно говорить, что о вкусах спорят и не спорят. Спорят, когда речь идет о выявлении оснований вкуса и адекватности формы их эмоциональной выраженности. Не спорят, когда обращается внимание на его субъективные характеристики, его интерпретационные способности.

Вопрос об адекватности эстетического вкуса затрагивает не только гносеологическую, но и ценностную его характеристику. Суть эстетического вкуса в ценностном отношении состоит в том, что в нем индивидуальное выражено через усвоенный индивидом социальный опыт. Поэтому эстетический вкус – это выражение потребностей субъекта не только на уровне «хочу», но и «могу» и «должен». Ценностно-содержательный аспект эстетического вкуса состоит в его социальности как факторе, объединяющем взаимопонимание людей, определяющем общее в их чувствах, интересах, идеях, взглядах, идеалах, мировоззрениях и ценностных ориентациях.

Социально значимое в мировоззренческом аспекте эстетического вкуса выражено прежде всего его ключевой ценностью – «эсте-

тическим идеалом», способностью с позиций его категориальности оценивать, а в дальнейшем и прогнозировать действительность.

Оценочная природа вкуса затрагивает самые глубинные основания целостной характеристики эстетического сознания, ибо оценка здесь выступает «выразителем всего мировоззренческого комплекса сознания, выполняющего функцию критики» [81. С. 211]. Пренебрежение социально-мировоззренческой обусловленностью оценочной природы эстетического вкуса ведет к консерватизму, а в художественно-практической деятельности – к «профессиональному догматизму», что было присуще, в частности, феноменологической теории оценки Р. Ингардена. Формально провозглашая основной принцип герменевтических концепций о синтезе интерпретации и оценки, на деле позитивизм пытался их развести.

Анализируя эту проблему в существующих основных направлениях современной западной критики, А.Я. Зись и М.П. Стафецкая выделяют среди них три наиболее характерных. Во-первых, это гуманитарная критика, которая опирается на установки и принципы традиционной герменевтики и постулирует культурные ценности. Во-вторых, нетрадиционная критика: ее струя под влиянием неопозитивистских философско-эстетических концепций занята поиском так называемой «научно точной» методологии и методики анализа. Она интересуется по преимуществу языком искусства, оставляя в стороне его социально-культурный смысл. Наконец, в-третьих, социологическая критика. В настоящее время она пытается опереться на эстетику и в особенности на культурологию Франкфуртской школы» [81. С. 216–217].

Преодолевая ограниченность феноменологической трактовки оценочной природы вкуса, важно видеть в ней интегративное выражение всех граней духовности субъекта, взятого на конкретном этапе его исторического развития. Было бы ошибкой считать, что эстетические ценности и эстетические оценки и суждения как формы проявления мировоззренческой и эмоциональной культуры вкуса имеют внеисторический характер. У каждой конкретной культуры, у каждого класса, индивида они свои. Так, например, в античности человеческое достоинство считалось одной из важнейших эстетических ценностей, в то время как при монархических режимах она заменяется своей противоположностью – слепым подчинением и угодничеством.

Социальная значимость эстетического вкуса как отражения духовно общего находит свое выражение и в такой форме его бытия, как эмоционально-эстетическое переживание и сопереживание.

В этом смысле приобщение, скажем, к искусству, заряжение его содержанием и есть проявление эстетического вкуса субъекта как способности не только понять, но и эмоционально пережить «все то, что пережило до него человечество...» (Л.Н. Толстой). Это переживание и есть в структуре эстетического общения эмоциональное усвоение общепонятного; оно есть выражение и приобщение к «общему чувству» (Кант). Но сопереживание, как и переживание, у любого субъекта уникально в силу неповторимости самого субъекта. Уникальность получает свою выраженность в оценках, в интерпретации, в мнениях, в выборе ценностей и т.п. Научиться формировать свое мнение, где преломлен общественный опыт, – важнейшая функция вкуса. Но так же важно научиться видеть и различать то, что скрывается за оболочкой субъективности и уникальности, чьи интересы и идеалы там выражены и защищаются.

Ценностное содержание эстетического вкуса может быть выражено не только в эмоциональной, но и в вербализованной форме (суждение вкуса). Вербализованная форма бытия вкуса вторична по отношению к эмоциональной и связана с применением логической способности сознания проникать с ее помощью в содержание эмоциональных оценок вкуса. Кант замечает, что эстетическое суждение вкуса – «синтетические суждения, так как они выходят за пределы понятия и даже созерцания объекта и присоединяют к нему как предикат нечто такое, что уже отнюдь не познание, – именно чувство удовольствия (или неудовольствия)» [71. С. 62]. Эстетическое суждение, однако, помимо рациональной рефлексии эмоционального выполняет свою главную роль – гармонизацию содержания эмоционально-эстетического опыта, поиска и выявления в нем главного критерия – красоты. Кант определяет эстетический вкус как «способность судить о красоте».

Внесение гармонии в суждение вкуса связано с его проективно-нормативной или творческой природой. Здесь соединение духовного и созерцательного как содержания и формы создает новое системное свойство, выражающееся в их гармоническом соответствии друг другу. В символическом изображении такое произведение вкуса воспринимается как единство оформленного содержания и содержательной формы. Сама деятельность вкуса по эстетизации (гармонизации) отношений между содержанием и формой подчиняется закону конструирования или проектирования эстетических объектов, где «что» (содержание) определяет «как» (форма), а «как» определяет «что».

В такой детерминированности нет примата содержания над формой или формы над содержанием. Цель и средство ее достижения здесь даны в неразрывном единстве. Поэтому Кант и характеризовал регулятивно-проективную функцию вкуса как проявление «целесообразности без цели» [71. С. 69]. Гегель в «Лекциях по эстетике» эту мысль выразил следующим образом: «Прекрасное, согласно Канту, не носит в себе целесообразность как некую внешнюю форму, а целесообразное соответствие между внутренним и внешним представляет собой имманентную природу самого прекрасного предмета» [82. С. 64]. Отсюда, кстати, у человека и возникает бескорыстное, незаинтересованное отношение к миру, поскольку в нем отсутствует цель «голого» потребления и присвоения предметов. В гармонизации мира вкус как бы нейтрализует ближайшие практические цели человека, возвышает его до идеала. Творческая способность эстетического вкуса как раз и выражается в его умении подходить к реальным предметам и целям с позиции эстетической меры и улавливать в них эту меру. В этой рационально необъяснимой способности вкуса состоит его важнейшая особенность.

Если учесть, что мера вещей и мера человеческого отношения к ним, выраженная в форме идеала, объективно подвижна, то вкус берет на себя ответственность регулировать ценностную ориентацию человека, обеспечивать наиболее оптимальное выражение его сущностных сил. Сам вкус осуществляет эту «работу» мгновенно и интуитивно, что позволяет человеку быстро ориентироваться и оценивать новую для него ситуацию. Однако здесь происходит и одновременная перенастройка и обогащение новым опытом самого вкуса. Это обнаруживается в уточнении ранее приобретенных знаний, в переоценке ценностей, смыслов, идеалов, целей, предписаний, нормативов и установок в поведении субъекта.

Мы не разделяем позицию некоторых исследователей, рассматривающих какие-либо односторонние зависимости вкуса от идеала, оценки или нормы и т.п., так же, впрочем, как и сведения вкуса к этим категориям, растворение в них [83. С. 166–167]. Развитие вкуса детерминировано содержательностью всего эстетического сознания как целостности, так же как целостность эстетического вкуса определяет многомерную структуру сознания. При этом устойчивость и изменчивость вкуса представляют собой условия, формирующие его социальную многоликость, выражающуюся одномоментно в качестве критерия и ценностной матрицы, эволюционного состояния и мотива поведения субъекта. Целостность

эстетического сознания может быть объяснена категориальной триадой, где эстетическая категориальность и мировоззрение выступают тезисом, эстетическая эмоциональность – антитезисом и эстетический вкус – синтезом [84. С. 136].

В структурно-функциональном, деятельностном аспекте целостная картина эстетического вкуса (эстетического сознания) выражена также в триединстве его гносеологической, аксиологической и творческой (проективной) функций. Категориальный состав эстетического сознания субординируется соответственно диалектической сопряженности этих функций, раскрывая содержательно свою исходную клеточку «эстетическая потребность – эстетический образ» [84. С. 136].

Завершая анализ эстетического вкуса как целостной формы эмоционально-эстетического освоения действительности, приведем суждения М.М. Бахтина об эстетической деятельности сознания, которые для нас выступали всегда необходимым методологическим ориентиром и моделью исследования феномена целостности эстетической эмоциональности: эстетическая деятельность сознания «собирает рассеянный в смысле мир и сгущает его в законченный и самодовлеющий образ, находит для преходящего в мире (для его настоящего, прошлого, наличности его) эмоциональный эквивалент, оживляющий и оберегающий его, находит ценностную позицию, с которой преходящее мира обретает ценностный событийный вес, получает значимость и устойчивую определенность. Эстетический акт рождает бытие в новом ценностном плане мира, родится новый человек и новый ценностный контекст – план мышления о человеческом мире» [85. С. 166]. Не случайно Гегель определял вкус как «изощренное культурой чувство прекрасного» [64. С. 40].

5. ИСКУССТВО КАК ЦЕЛОСТНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ
(вместо заключения)

Согласно закону, выражающему объективные тенденции общественного развития, любые сущностные силы человека, однажды возникнув, нуждаются в своем воспроизводстве и развитии. Это означает, что они должны иметь не только субъективную, но и объективированную форму существования. Производство объективированных форм человеческих сущностных сил происходит для человека. Эстетическое в силу своей универсальности и гармонической целостности является мощным позитивно-оптимизирующим фактором в человеческой жизнедеятельности, и в обществе всегда имела место потребность в материализации и объективизации эстетического сознания людей для последующего воспроизводства его идеального субстрата.

В рамках материального производства средств существования эстетическнй опыт растворялся в продуктах, имеющих прежде всего утнлитарное, практическое назначение. Материализация эстетического здесь не проходила бесследно. Оно упорядочивало производство, способствовало повышению его эффективности, увеличению производительности труда, росту мастерства, творческому совершенству и т.д.

В то же время людн всегда нуждались не только в оптимальном выражении своей сущности, но и в сохранении эмоционально-эстетического опыта в его концентрнрованном виде, в его обогащении и трансляции другим поколенням. Нужен был специальный объект, который бы моделировал основные функции эстетического отношения человека к миру. Этим объектом и стало искусство, а деятельность по его производству стала называться художественной. Обращая вниманне на необходимость искусства, Гегель замечает: "Всеобщая потребность в искусстве проистекает нз разумного стремления человека духовно осознать внутренний и внешний мнр, представив его как предмет, в котором он узнает свое собственное «я»" [82. С. 38]. Искусство – это прежде всего форма эстетического самосознания общества, и целью его является воспроизводство эстетического сознания в системе эстетического общения субъектов.

Поскольку эстетическая информация представляет собой богатейший спектр целостного эмоционального отношения человека к

миру, то предназначенность искусства связана не только с моделированием этого опыта, но и с развитием его в профессиональной форме, с формированием эстетических и художественных способностей человека. Потребность в искусстве создана как производством, так и восприятием, потреблением последнего. «Предмет искусства, – а также всякий другой продукт, – пишет Маркс, – создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета» [86. С. 718]. Из этого высказывания хорошо видно, что Маркс понимал искусство как средство воспроизводства эстетического, а эстетическое – как условие, формирующее с необходимостью искусство. В этой закономерности и прослеживается процесс саморазвития эстетического и художественного. Несмотря на то, что искусство выступает продуктом и условием эстетического (и наоборот), между эстетическим и художественным имеет место родовидовая зависимость. Эстетическое как родовое понятие обозначает качественную определенность самой жизнедеятельности, т.е. оно есть реальное состояние этой жизнедеятельности, в то время как искусство моделирует ее, обнаруживая себя как видовое ее проявление. И в этом отношении мы не можем согласиться с установкой М.С. Кагана, утверждающего, что художественная деятельность в отличие от эстетической есть проявление культуры, которое представляет «конкретный способ удвоения реальной практики, удвоения реальной человеческой жизни, перенесение всех проблем действительного бытия в план воображаемой жизни» [87. С. 80]. Мы считаем, что искусство отражает не поток реальной жизни, а жизнь, взятую в ее концентрированно-эстетическом преломлении. Эстетическая деятельность универсальна по своей природе, художественная – вид профессиональной деятельности по поводу воспроизводства эстетического. Но когда речь идет об эстетическом уровне художественной деятельности или эстетическом восприятии искусства, т.е. когда эстетическое выступает следствием художественного, то для такого эстетического художественное становится родовым.

Как модель эстетического искусство воспроизводит лишь необходимые и достаточные признаки своего универсального оригинала. Именно в силу этого искусство считается полифункциональной системой. В эстетике пока нет единого мнения о количестве функций искусства. М.С. Каган выделяет пять функций – гедонистическую, коммуникативную, просветительскую, воспитательную и художественного восприятия [88. С. 14]; А.Я. Зись [89.

С. 98] и Е.Е. Громов [90] – три: познавательную, воспитательную и эстетическую. Ю.Б. Борев [91. С. 132–152] называет девять функций – общественно-преобразующую, познавательно-эвристическую, художественно-концептуальную, функцию предвосхищения, информационно-коммуникативную, воспитательную, внушающую, эстетическую и гедонистическую. Л.Н. Столович обозначает уже четырнадцать – эвристическую, коммуникативную, социально-организаторскую, социализирующую, воспитательную, просветительную, познавательную, прогностическую, оценочную, суггестивную, катарсическую, компенсационную, гедонистическую, развлекательную [92. С. 239–241].

Мы полагаем, что содержание и количество функций должно определяться основными моментами, характеризующими особенности моделируемого объекта и способом его воздействия на воспринимающего. Если принимать во внимание потребность, которой вызвано к жизни искусство, то станет понятным, что полифункциональность искусства существует как проявление основной функции – эстетической. Поскольку цель искусства состоит в том, чтобы смоделировать и воспроизвести в людях, его воспринимающих, эстетическое отношение к действительности, то можно утверждать, что искусство есть монофункциональная система. Признание искусства монофункциональной системой нисколько не противоречит ее полифункциональности, поскольку в данном случае эстетическое мы трактуем не как рядоположенное свойство с познавательным, нравственным, утилитарным, психологическим и т.д., а как системно-интегративное свойство, существующее через них. Поэтому сущность эстетического, которая снимается искусством, и будет определять содержание и количество функций последнего.

Для классификации функций искусства нужен системный подход. Такой метод впервые применил М.С. Каган. Однако в своей работе «Социальные функции искусства» он не вычленяет в искусстве субстанциональный элемент, т.е. ту главную функцию, ради которой искусство существует и из которой можно было бы вывести все остальные. Получается, что искусство полифункционально, а как целостность, как система оно не имеет качественной определенности, потому что отсутствует системообразующая функция.

Роль такой системообразующей функции выполняет эстетическая функция. В ней можно выделить (согласно ее природе):

а) информационно-коммуникативную функцию – функцию общения (искусство здесь выступает языком эстетического общения);

б) воспитательную функцию, направленную на формирование эстетических способностей личности.

Конкретность воспитательной функции проявляется в познавательной, нравственной, мировоззренческо-идеологической, гедонистической и творчески-преобразующей подфункциях. Все они отражают такие ее ценностные компоненты, как истина, добро, здоровье, польза, совершенство, творчество и наслаждение. Собственно же эстетический аспект воспитательной функции выражает всю палитру бытия красоты (прекрасное, безобразное, комическое, трагическое, возвышенное, низменное, драматическое, лирическое и т.п.).

Искусство, отображая разнообразнейшие противоречия жизнедеятельности людей сквозь призму эстетического отношения, может по-разному решать свои задачи. И это в первую очередь зависит от содержательности мировоззренческих, идеологических, нравственных, познавательных, творческих, профессиональных и т.п. устаиовок как художника, так и воспринимающего. Поэтому с этих позиций можно говорить о подлинности, истинности или ложности, извращенности, отчужденности как самого искусства, так и вкуса формируемого им субъекта. Если же говорить об общечеловеческом предназначении искусства, то оно призвано эстетически и нравственно возвышать личность, «помогать человеку понимать себя самого, поднять веру в себя и ... делать все для того, чтобы люди стали благородно сильными и могли одухотворять свою жизнь святым духом красоты» [93. С. 101].

Проведенный нами анализ показывает, что искусство действительно призвано в функциональном отношении воспроизводить социально-эстетические функции, определяющие содержательность эстетического сознания. Но возникает вопрос: как это все происходит? Каким образом и с помощью каких средств человек моделирует свою мировоззренческую и эмоционально-эстетическую духовность в искусстве, каков механизм самовоспроизводства эстетического сознания через искусство? Освещение этих вопросов поможет получить некоторые представления о том, что в психологическом отношении искусство – это, по Л.С. Выготскому, центральная эмоция или эмоция, разрешающаяся преимущественно в коре головного мозга [58. С. 268]; о том, что в социальном контексте искусство имеет двойную объектно-субъектную жизнь, т.е. оно существует одновременно и как эстетический объект, и как художественно-эстетический субъект. Эстетическая сущность искусства при этом раскрывается в моделировании вещей и явле-

ний в форме особых «эмоциональных констант», ассоциирующихся с этими вещами и явлениями, выступающими, по сути дела, их личностными эстетическими смыслами (точнее, эмоциональной стороной этих смыслов).

В этом отношении искусство является языком эмоционально-эстетического общения. Телесные выразительные возможности человека, предметы чувственно воспринимаемой его среды становятся средствами моделирования эстетической информации в искусстве и языком художественно-эстетического общения. Искусство становится процессом творения знаково-символических комплексов, уводящих субъектов этого творчества в иллюзорный метафорический мир, опредмеченных и распредмеченных в воображении смыслов. Искусство – это эстетическая игра воображения. Притом его игровая функция проявляется и как форма художественного творчества, и как художественный прием. Субъекты, занимающиеся искусством, живут в особой, так называемой художественной реальности [94. С. 144]. Эта реальность развивается по своим особым законам, не повторяя события жизни, но выстраивая их по законам условности, по законам семантико-семиотических принципов. Помимо материальной оболочки художественная реальность существует только в художественно-образной форме, для которой характерно конкретно-чувственное бытие, пронизанное жизненно-практическим, духовно-ценностным эстетическим смыслом. «Смыслоносность» художественного образа имеет свою собственную логику, отличную от логики здравого смысла [94. С. 48]. «Как жизнь», а «не как в жизни» – вот принцип искусства.

Реализация такого принципа в искусстве происходит посредством эмоционально-категориального обобщения. Речь идет об обобщении и выражении в знаково-символической форме эстетического опыта жизни, ибо искусство, в отличие от науки, не занимается поиском истины, но, располагая ею, заставляет переживать (а значит, осваивать) сам путь обретения ее как правды-символа человеческих идеалов. Искусство призвано на духовно-эмоциональном уровне раскрывать реальную структурно-многоликую, внутренне противоречивую и одновременно целостную жизнь красоты совокупного субъекта. Это значит, что индивид, создавая произведение искусства, с одной стороны, творит, подчиняясь своему духовному инстинкту, с другой – отображает через него путь человека к гармоинзации (эстетизации) своего отношения с миром. Как же моделируется идейно-эмоциональный вектор эстетического сознания в языке искусства и каким образом организован процесс движения эстетической информации в искусстве?

Анализ идейно-эмоциональной модели эстетического сознания в языке искусства мы проведем на материале музыкального искусства. Обращение к музыкальному искусству обусловлено тем, что это единственный вид искусства, который в интеллектуальном отношении является самым абстрактным, так как лишен наглядности и непосредственной вербальной образности, но в эмоциональном отношении – самым конкретным, так как является интонационным выражением биосоциальной природы человеческой эмоциональности. Все виды искусств воплощают жизненное содержание в первую очередь и главным образом сквозь призму мыслей и чувств человека, его эстетического восприятия жизни. Однако только музыка выражает это жизненное содержание непосредственно, ибо «музыка не списывает и не показывает человеческих чувств – она непосредственно их воплощает. В истоках музыки, в основе ее лежит человеческий голос – поющий и говорящий, и ритм человеческого движения...» [95. С. 248].

Нас интересует музыка и потому, что, в отличие от других искусств, она эмоциональна изначально, потому, что мысли, возникающие в процессе ее звучания, наполняя ее духовным содержанием, как бы имитируют картину происхождения эстетического интеллекта, плод которого созревает и живет в чреве материнской эмоциональности. Музыка наиболее наглядно моделирует эстетическую эмоцию как эмоцию категориальную. «Музыка, – подчеркивает польский философ-эстетик Зофья Лисса, – определяет чувства лишь в самых общих чертах, не информируя о том, на чем они основаны. Музыка обогащает эмоциональные переживания многочисленными ассоциациями...» [96. С. 224]. Эстетическая эмоциональность в музыке предстает перед нами во всем богатстве социального опыта. «В музыке мы через эмоцию познаем мир. Музыка – есть эмоциональное познание», – заключает профессор Б.М. Теплов [97. С. 23]. Мы специально столь пространно говорим о нашем выборе музыкального искусства для предстоящего анализа потому, что хотим подчеркнуть, что музыка моделирует все структурные и функциональные особенности эмоционально-эстетической жизни человеческого сознания, что являлось предметом наших интересов на протяжении всего исследования.

Перейдем к конкретному анализу. Искусством «интонируемого смысла» [98. С. 258] называет музыку академик Б.В. Асафьев. Интонационная природа музыки основана на способности передавать эмоциональные состояния голосом или подражанием ему посредством музыкальных инструментов. Исходным тезисом в теории инто-

нации Б.В. Асафьева является утверждение, что «мысль, чтобы стать звуково выраженной, становится интонацией, интонируется».

Если словесная интонация, как и само слово, направлена на обозначение предметов, действий, явлений, понятий, то музыкальная интонация выступает средством образного выражения эмоций человека. Термин «интонация» имеет разные значения. Это и выразительный фактор в звукопроявлении предметного мира, и отражение звуковыми средствами смыслов музыкального искусства. Воспринимая эти «звуковые комплексы», можно в определенных случаях судить об эмоционально-звуковом фоне среды, о настроении человека, его намерениях, социокультурной развитости и т.д. В материальном выражении музыкальная интонация апеллирует к «низшим» этажам человеческой психики и рассчитана главным образом на психофизиологический эффект. Практически этот эффект был известен уже пифагорейцам, применявшим музыку в качестве средства лечения больных. В современной физиологии и психологии обосновано положение об «организменном» влиянии музыки, о ее воздействии на эмоциональные структуры нервной системы. Учитывая это обстоятельство, музыку сегодня применяют не только в медицинской практике, но и в производстве, в быту и т.п. Однако заметим, что биологическая основа музыкальной интонации сопряжена со звуковым изображением не столько для воплощения интеллектуально-духовного, сколько эмоционально-душевного – темпоритмического смысла музыки. Темпоритмическое существование музыки – показатель ее социальной пространственно-временной релятивности. Вместе с тем темпоритм – одна из важнейших субстанций музыки, коренящихся в природных структурах мироздания.

Но суть музыки не в темпоритмической ее организации, а в интонационно-интервальной. Звуковой комплекс превращается в музыкальную интонацию, когда его поток обретает интервальную упорядоченность или организацию. В свою очередь, интервальность как соотнесенность звуков по их высоте сама по себе, безотносительно к темпоритму тоже не есть музыка, хотя и является сугубо социальным признаком, требующим осмысленного отношения к конструированию звукового ряда. Музыка – это неразрывная соотнесенность темпоритмического и интервального, притом соотнесенность, в генетическом аспекте осознанно сконструированная. Конечно, сам процесс такого конструирования носит творческий характер и осуществляется в актуальном аспекте, чаще всего спонтанно, на интуитивном уровне. Как правило, художник, – замечает

А. Тарковский, – творящий инстинктивно, не знает, «почему именно в данный момент он делает то или другое, пишет именно об этом, рисует именно это. Только потом он начинает анализировать, находить объяснения, умствовать и приходит к ответам, не имеющим ничего общего с инстинктом, с инстинктивной потребностью создавать, творить, выражать себя. В некотором роде творчество есть выражение духовного существа в человеке...» [99]. Если исходить из социокультурной детерминированности человеческих инстинктов, то можно сказать, что творческий инстинкт, о котором говорит А. Тарковский, – инстинкт духовно-эстетический, ибо это не слепой акт рефлекторной активности, это активность, действующая по законам природно-социального синтеза, активность смыслообразующая. Б.В. Асафьев по этому поводу замечает, что «соотношение звуков, дающих возможность высказать» не ритм мысли или душевного состояния, а их качество – «смысл образно выявленный...», – признак сущностно человеческий [98. С. 209].

Процесс исторического формирования интервальности в музыке не сразу выработал ее современную интонационную систему. От всякого рода шумов и глиссандо первобытных культур до четко осознанной дифференциации звукосоотношений – таков маршрут становления музыки и музыкального познания. С применением интервалов в последовательном чередовании и в полифоническом звучании формируется основное качество музыки – интонационно-музыкальное мышление. Развитие интонационного мышления, как и эмоционального мышления вообще, также подчиняется закону движения от простого к сложному, от элементарных, примитивных одноголосных созвучий до образования сложных гармонически-дисгармонических комплексов с их внутренне развитой системой интонирования и многоголосия.

Как развитое эмоциональное мышление превращалось в мышление категориально-эмоциональное, так и интонационное мышление находит свой категориальный контакт в образовании мелодии. В отличие от стихийного интонирования, где отдельные тона, их связи и соотнесенность с речью носят характер смысловой неразличимости, мелодия, по Б.В. Асафьеву, выступает как «интеллектуализированное отражение этой непрерывности звуковыявления» [98. С. 261]. Мелодический язык в музыке Б.В. Асафьев рассматривает как выражение непрерывности и прерывности звукового интонирования, как актуальное проявление ее ладотонального признака. Если интонация – это эмоциональная единица музы-

кального мышления, то мелодия выступает как форма «музыкальной речи», поднимающей эмоциональное мышление в музыке на уровень категориальной образности.

Благодаря интонационно-мелодическому единству в музыке, ее категориальность формируется посредством образования лада. Поскольку мелодия направлена на заполнение непрерывным рядом тонов «пространства», образуемого интервалом, то «жизнь лада» характеризуется образованием опорностей, притяженности одних звуков к другим в образовании устойчивых и неустойчивых звучаний, т.е. в создании в рамках мелодико-рнтмической линии своего рода «смысловых узлов», выражающих духовно-категориальный признак от примитивного «грустно-весело» до отображения устойчивого эмоционально-интонационного состояния духовности индивида, народа, эпохи. Так, например, эстетическое мироощущение культуры первобытности дано М.И. Глинкой в его известном марше Черномора из оперы «Руслан и Людмила» посредством применения пентантонического (пятитонового) ладового звукоряда. «Музыкальная категориальность» в русских народных песнях строится на ладовых сопоставлениях мажора и параллельного минора. Для украинской мелодики оказывается типичным лад гармонического минора с повышенной 4-й ступенью, этот же лад характерен для венгерской народной музыки, музыки ряда восточных народов и т.д. [100. С. 49–50].

Рассмотренные средства музыкальной выразительности: темпоритм, интервал, одноголосие и многоголосие, мелодия, лад – это основная, но лишь некоторая толика существующего арсенала музыкального языка, характеризующая его со стороны внутренней формы организации закодированной в ней эстетической информации. Проведенный анализ, на наш взгляд, вполне достаточен, чтобы убедиться, что музыка, как и любое другое искусство, в языковой форме моделирует эмоционально-эстетическую нформацию. Как же реализуется эта информация в системе художественно-эстетического общения?

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо уточнить содержание понятий «событийность» и «диалогичность» искусства (М.М. Бахтин). Событийность и диалогичность искусства – это характеристика его как творческого процесса взаимодействия и взаимообщения трех субъектов: автора, исполнителя и публики. Деятельность каждого из них специфична и взаимообусловлена. Общее в их деятельности - эстетическое общение средствами искусства или, если быть более точным, художественная деятельность с целью эстетического общения.

Взаимообусловленность деятельностей трех субъектов составляет границы искусства (художественной реальности) как процесса. За пределами деятельности художественных субъектов искусства нет. Искусство как процесс в большинстве случаев интерпретирует как художественное творчество. Однако, на наш взгляд, такой подход является узким, ибо художественную деятельность трех субъектов нельзя сводить только к творчеству. Художественная деятельность, как и любая другая, помимо творческого аспекта включает и познавательно-оценочный, и нормативный (следование стереотипам), и эмоционально-психологический, и иррационально-герменевтический и т.п.

Конечно же, все аспекты не рядоположены, а существуют друг через друга, образуя единый акт художественного процесса как взаимодействия трёх субъектов. В этом плане общим основанием для субъектов художественной деятельности является не только процесс, но и его результат – произведение искусства. Вместе с тем произведение искусства, выступая в качестве продукта художественной деятельности, по своей структуре также неоднозначен, ибо является продуктом совокупных усилий трех субъектов. Одновременно к общим признакам можно причислить и то обстоятельство, что произведение искусства в его материальной форме бытия предназначено для выполнения знаково-коммуникативных функций, а в идеально-духовном аспекте выступает условием формирования эстетических смыслов и эстетического отношения к действительности.

Как же конкретно осуществляется событие деятельности трех художественных субъектов, в чем особенность этого процесса как диалогического? Начнем с постулата о том, что искусство начинается и завершается в эстетическом поле культуры общества. Первым, кто берет на себя «ношу» сохранения и объективизации в художественном знаке эстетической информации с целью ее передачи другим художественным субъектам, является автор. Цель автора – трансформировать свое эмоционально-эстетическое отношение к жизни в художественном замысле и материализовать его с помощью специфических приемов и средств в первичный слой знакового основания искусства. Как художественный замысел, так и его материализация в знаковом тексте и рождают авторскую грань художественного произведения. В процессе авторской художественной деятельности доминирующее значение принадлежит творчеству, ибо главная его цель – создать духовно-знаковые или знаково-символические основания бытия художественного произведения. Все остальные субъекты «работают» в условиях

текста, заданного автором. Сами по себе эти основания без их оживления со стороны «субъекта-исполнителя» и «субъекта-публики» лишены смысла и социальной ценности. Не случайно П.И. Чайковский замечал, что «опера, не поставленная на сцене, не имеет никакого смысла». Осмысленность авторская деятельность приобретает благодаря ориентации на исполнителя и публику. В этом отношении тексты автора как по содержанию, так и по форме детерминированы адресатом в лице других субъектов искусства.

Прежде всего композитор отдает себе отчет, что жизнь музыкального произведения – в его исполнении. А для этого нужны инструменты и профессионально обученные исполнители. Задача субъекта-исполнителя – оживить в звучащем интонировании музыкальные образы, закодированные автором в нотном тексте. Перед исполнителем всегда стоит проблема «преодоления материала внешней среды», будь то текст, голос, музыкальный инструмент или внимание публики.

В ходе «преодоления материала» формируются художественное сознание и художественные эмоции. В них находит свое выражение все, что связано с профессиональной деятельностью субъекта искусства. Вот что пишет по этому поводу выдающийся советский исполнитель и педагог Г. Нейгауз в своей книге «Об искусстве фортепианной игры»: «В одной ноте можно выразить массу оттенков чувства – и нежность, и смелость, и гнев, и скрябинское «estinato», и одиночество, пустоту и многое другое, конечно, воображая при этом, что звук этот имел «прошлое» и имеет «будущее». Если вы музыкант и притом пианист, а значит, любите звук рояля, то и эта возня с одним-единственным звуком, прекрасным фортепианным звуком, это вслушивание в чудесное дрожание «серебряной» струны – уже великое наслаждение, вы находитесь у преддверия искусства» [101. С. 139–140].

Подмечено точно. Действительно, мастерство исполнителя – это лишь условие для возникновения художественного образа. Профессиональный исполнитель становится настоящим художником, если техническое мастерство у него не цель, но средство, с помощью которого он способен подниматься до создания художественных образов, эстетически обобщающих человеческую жизнь. В этом плане вся профессионально-исполнительская деятельность приобретает смысл, поскольку она, так же как и у автора, имеет свой «эстетический адрес». Адресат исполнителя двуедин. С одной стороны, он обращен к автору, к его тексту, с другой – к пуб-

лике. Обращенность эта не механическая, не объектная, т.к. важным здесь является не роботизированное воспроизводство нотного текста в звуковой поток и не рабско-угодническое потакание вкусам публики, но позиция, учитывающая, понимающая эстетико-мировоззренческие установки автора и публики.

Однако такая обращенность не должна сводиться только к тому, чтобы с помощью своей технической оснащенности «реанимировать» то, что хотел сказать автор или что хотела бы услышать публика в этом тексте. Главнейшей задачей для исполнителя является создание своего произведения, но на основе текста автора и контекста эпохи, выразителем которой является публика. Диалогичность в полной мере может состояться, если исполнитель будет иметь не только свое мнение по отношению к содержанию авторского текста или же к уровню эстетических запросов публики, но и сможет своим искусством предложить публике собственную трактовку авторского произведения и передать мироощущение той эпохи, в которой живет публика. В данном случае исполнитель обретает свой неповторимый стиль, поскольку в его творчестве находит выражение личностное эстетическое отношение к жизни. Обрести свой стиль, обрести свою манеру, «лицо» в искусстве – основная цель любого художника, в том числе и исполнителя. Конечно, сам термин «субъект-исполнитель» обретает больше функциональный смысл, нежели содержательно-целевой. В содержательно-целевом аспекте исполнитель становится соавтором. Для публики он не просто представляет автора, но раскрывает и свой мир.

Каким же образом исполнитель становится сотворцом? Каким образом авторский текст становится в результате исполнения «своим иным»? Это происходит прежде всего с помощью двух вещей – интерпретации и импровизации. Интерпретация и импровизация представляют собой проявление свободной субъективности исполнителя «к» или «через» объективную суть авторского текста. Однако доля свободного отношения у них разная. Интерпретация – это толкование, выражение своего понимания текста автора. Уровень свободы исполнителя здесь достаточно ограничен требованиями авторского текста. Главной заботой в интерпретации для исполнителя является передача замысла автора, хотя и пропущенного через свою мировоззренческую и духовную культуру. Подлинного уровня свободы в интерпретации исполнитель достигает тогда, когда он использует прием импровизации. Импровизация имеет по сравнению с толкованием интерпретаций

более широкую ассоциативную и технологическую природу проявления субъективности.

В импровизации приоритет принадлежит не автору, а исполнителю. Эмоциональная эстетическая духовность, «неявная субъективность» (С.С. Абрамов) исполнителя в авторском тексте посредством импровизации находит для себя свободу самовыражения. В результате этого один и тот же авторский текст принимает характер непредсказуемости в его исполнительской интерпретации, поскольку сиюминутно рождаются разнообразные нюансы как в озвучивании текста, так и в акцентировке смысловых аспектов содержания. Исполнительская импровизация – это сочинение на заданную тему. Роль заданной темы выполняет текст автора. Однако условности текста всегда ограничены знаковой природой. Перевести знаки-символы в живые смыслы музыки - основная забота «субъекта-исполнителя». Живое исполнение не должно стать холодной звуковой копией или моделью того, что требуется текстом. Ведь в тексте вся идейно-смысловая и чувственно-эмоциональная плоть художественно-эстетического миросозерцания автора омертвлена знаком. Автор специально пишет текст, чтобы исполнитель читал подтекст. Важно не перевести механически знак в звук, но видеть в обеих реальностях неисчерпаемые вариативные возможности превращения авторского текста в контекст исполнительского, где «сопереживание-интерпретация» авторского смысла оборачивается «проживанием-импровизацией» собственного текста. Высшим предназначением исполнительского искусства является не только необходимость проникнуться через озвучивание текста скрытым замыслом автора, но найти и задействовать такие выразительные средства, которые позволили бы не столько раствориться и потерять себя в авторском тексте, сколько проживать иное как свое.

Единство интерпретации и импровизации, сопереживания и проживания и создает необходимые условия для существования эстетического диалога на уровне субъектов художественной деятельности. Однако эти условия необходимы, но еще не достаточны, чтобы акт художественного общения в структуре искусства состоялся. Важнейшим условием для полноценной деятельности исполнителя, как и автора, является создание своего произведения с учетом выполнения ими ролевых функций публики как воспринимающего субъекта. Секрет искусства состоит не столько в том, что в нем взаимодействуют три субъекта, сколько в том, что каждый из них тройствен по своей внутреннеролевой структуре. Автор в своем творчестве одновременно выполняет функции и исполнителя, и

публики, ибо не просто адресует им свое творение, но корректирует его «глазами» предполагаемых исполнителей и публики. Так же и исполнитель свое лицо в искусстве может определить только в том случае, если при исполнении чужого авторского текста выступает как соавтор и представитель публики. Живое общение с публикой создает особую атмосферу деятельности исполнителя.

К.С. Станиславский, размышляя по этому поводу, писал: «Публика – это большое зеркало, отражающее творчество актера. Надо научиться смотреть в это зеркало и видеть в нем свое творчество» [102].

И не просто видеть, но и корректировать его с точки зрения состояния публики. Для автора и исполнителя переживаемое в воображении предполагаемое «мнение» публики становится одновременно компонентом сознания и рефлексивной формой творчества, нормативно-регулятивным импульсом и фактором художественного общения и деятельности.

Триединой в своих ликах выступает и публика. Главное ее предназначение как субъекта художественного творчества – восприятие художественно-эстетической информации, идущей от текста исполнителя. Если автор смотрит на свое творение с точки зрения возможности его исполнения и понимания публикой, исполнитель – адекватности воспроизводства авторского текста и восприятия его публикой, то публика, приобщаясь к произведению искусства исполнителя, проникая через него в глубины авторского замысла, создает свою версию авторско-исполнительского текста. Участвуя в сотворчестве, в соавторстве и в соисполнительстве, публика обогащает свою эстетическую культуру, пытаясь впоследствии аккумулировать ею свою жизнь. Как замечает К.С. Станиславский, зритель, приобщаясь к творчеству, «становится одним из коллективных творцов спектакля. В этой роли зритель невольно проникает в атмосферу поэзии и творчества, которая воспитывает вкус, разжигает эстетическое чувство и возрождает к жизни художника, дремлющего в душе каждого человека» [103. С. 87].

Поскольку произведение искусства – это результат творческой деятельности трех субъектов искусства, то сводить произведение искусства только к результату авторской или исполнительской деятельности, а публику считать только воспринимающим и созерцающим субъектом мы считаем недостаточно корректным, ибо произведения автора и исполнителя обретают смысл не для потребительского, но для творческого соучастия публики в художествен-

ном акте. Ограничение понимания произведения искусства только творческими усилиями автора и исполнителя на практике оборачивается разрывом между публикой и отрядом профессионалов, продуцирующих искусство, ведет, во-первых, к образованию элитарного искусства, искусства для искусства, во-вторых, к формированию массового искусства, ориентированного на потребительские вкусы публики, в-третьих, к омертвлению народного творчества, соками которого питается профессиональное искусство.

Поскольку искусство имеет коммуникативную природу, выступая языком эстетического общения, то субъекты этого общения одинаково участвуют в производстве, потреблении и воспроизводстве своих текстов-результатов. Отсюда структура художественного произведения представляет собой единство трех слоев – авторского, исполнительского и зрительского (читательского, слушательского) текста. Притом эти слои не рядоположены, но существуют один через и для другого. В этой коммуникативной цепочке есть определенная взаимозависимость и обусловленность, которая может быть выражена следующим образом. Авторский текст – исходный, первичный. Исполнительский текст есть иная форма бытия авторского текста. Текст публики есть модификация авторско-исполнительского текста. Превращение одного текста в другой, так же как и превращение эстетического в художественное и художественного в эстетическое, протекает согласно закону, отрефлексированному еще Демокритом: «.. это, изменившись, есть то, а то, изменившись, есть это». Следует только добавить, что здесь не круговое движение, но новый диалектический виток в развитии. Важно, помимо всего сказанного, заметить, что бытие произведения искусства может протекать в разных пространственно-временных параметрах: от сиюминутного акта до координат вечных ценностей. Притом произведение может находиться в непосредственной живой или опосредованных связях между субъектами искусства, отображая и выражая одновременно жизнь разных эпох и событий.

Независимо от пространственно-временного бытия произведение искусства выступает как язык эстетического общения не только между субъектами, его творящими, но и как язык эстетического самообщения. А это означает, что искусство возможно и на уровне индивида, социальной группы, целого народа и т.д., но такое возможно при одном условии: если тот или иной субъект художественной деятельности во время создания произведения искусства будет выступать в единстве трех субъектов: автора, исполнителя и

публики. Такое особенно хорошо обнаруживается в синкретизме фольклорного творчества, где сочинение, исполнение и восприятие представляют единый акт, в котором градации между субъектами художественного творчества трудноразличимы. Появление профессионального уровня в художественной деятельности выдвигает два основных требования: сохранить гармоническую целостность и единство трехсубъектного эстетического взаимодействия и общения и заботиться, чтобы сам акт общения и профессиональной деятельности был на эстетическом уровне.

В заключение отметим, что создание гармонического синтеза во взаимодействии и общении субъектов искусства является законом бытия искусства как формы развития эстетического сознания общества. Однако реализация этого закона – дело не столь простое, поскольку возможно в условиях гармонического развития всей общественной жизни. Объективно генденция развития истории идет в этом направлении, поскольку пытается отражать и выражать общечеловеческие идеалы. Но это закономерности внешнего порядка. Внутренним же законом гармонизации синтеза трех субъектов художественного творчества является органический сплав эмоционально-эстетических смыслов, связанный с производством, воспроизводством (исполнением) и потреблением (восприятием) художественных текстов. Реализация этого закона возможна при повышении и развитии художественно-эстетической культуры всех субъектов, участвующих в обмене эстетической информацией средствами искусства. И только в этом случае в структуре эстетической жизнедеятельности искусство способно осознавать себя не только языковой формой эстетического сознания, но и порождать у последнего, как у субъективного образования, ощущения самостоятельно развивающейся душевно-духовно-практической целостности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Луначарский А.В.* Воспитание нового человека. Л., 1928.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. *Видгоф В.М.* Целостность эстетического сознания: деятельностный подход (опыт философского анализа). Томск: ТГУ, 1992.
4. *Анохин П.К.* Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности // Проблемы высшей нервной деятельности. М., 1949.
5. *Бериташвили С.И.* Некоторые сведения о структурных основаниях эмоций // Глубинные структуры мозга. Т. 1. М., 1969.
6. Ленинская теория отражения и современность. София, 1969.
7. Павловские среды. Т. 1. М., 1949.
8. *Анохин П.К.* Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. Т. 35. М., 1964.
9. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
10. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1954.
11. *Симонов П.В.* Что такое эмоция? М., 1966.
12. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М., 1960.
13. *Ительсон Л.Б.* Лекции по психологии. Ч. 2. Владимир, 1972.
14. *Сеченов И.М.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1952.
15. Эстетика и жизнь. Вып. 2. М., 1973.
16. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
17. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966.
18. *Симонов П.В.* Метод К.С. Станиславского и физиология эмоций. М., 1962.
19. *Симонов П.В.* О роли эмоций в приспособительном поведении живых систем // Вопросы психологии. 1965. № 4.
20. *Симонов П.В.* Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970.
21. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М., 1971.
22. *Бассин Ф.В.* Проблема бессознательного. М., 1968.
23. *Тих М.А.* Предыстория общества. Л.: ЛГУ, 1970.
24. *Войтонис Ю.С.* Предыстория интеллекта. М., 1949.
25. *Ладыгина-Котс М.А.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях и выразительных движениях. М., 1936.
26. *Дембовский Я.* Психология обезьяи. М., 1960.
27. *Выготский Л.С.* Спиноза и его учение об эмоциях // Вопросы философии. 1970. № 6.
28. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 18.
29. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. 2-е изд.
30. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. 2-е изд.
31. *Сагатовский В.Н.* О предмете и функциях философского знания // Марксистско-ленинская философия и современный общественный прогресс. М.: МГУ, 1969.
32. *Сагатовский В.Н.* Сознание и возможности его моделирования // Проблемы моделирования психологической деятельности. Новосибирск, 1968.
33. *Украинцев Б.С.* Отражение в неживой природе. М., 1969.
34. *Ковалев А.Г.* Курс лекций по социальной психологии. М.: МГУ, 1972.
35. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971.
36. *Братко А.А., Волков П.П., Кочергин А.П., Царегородцев Г.И.* Моделирование психической деятельности. М., 1969.
37. *Эйхе Н.* Эстетические чувства в структуре эстетического сознания личности: Дис. канд. филос. наук. Свердловск, 1972.
38. *Шингаров Г.Х.* Физиологическая основа и психологические особенности человеческого поведения // Эстетика и жизнь. М., 1973.
39. *Маркс К., Энгельс Ф.* Об искусстве. Т. 1. М., 1957.
40. *Селиванов Ф.А.* Истина и заблуждение. М., 1972.

41 *Сагатовский В.Н.* О природе элементарных «акта» и «образа» в процессе познания // Проблемы методологии и логики науки. Томск: ТГУ, 1965
42 *Анохин П.К.* Философский смысл проблемы интеллекта // Вопросы философии. 1973. № 6
43 *Филипьев Ю.А.* Что и как познает искусство. М., 1976.
44 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 29.
45 *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М.: МГУ, 1976
46 *Додонов Б.И.* Эмоции как ценность. М., 1978.
47 *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1975.
48 *Матяш Г.П.* Сознание как целостность и рефлексия. Ростов-на-Дону: РГУ, 1988
49 *Арнхейм Р.* Визуальное мышление // Хрестоматия общей психологии. Психология мышления. М., 1981
50 «АРХЭ» Культурно-логический семинар. Вып. 1. Кемерово, 1993
51 *Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1972
52 *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972
53 *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966
54 *Окладников А.П.* Утро искусства. М., 1967.
55. *Плеханов Г.В.* Литература и эстетика. М., 1958.
56 *Беркинблит М., Петровский А.* Фантазия и реальность. М., 1968
57. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1956
58 *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1968
59. *Гумбольдт В.* О поэме Гете «Герман и Доротея» // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. М., 1967. Т. 3.
60. *Маяковский В.В.* Собр. соч. в 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 2. С. 5.
61. *Свасьян К.А.* Феноменологическое познание. Ереван, 1987
62 *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
63 *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф // Труды по языкознанию. М., 1981
64 *Холостова Т.В.* Моральная оценка и ее особенности // Вопросы философии. 1968. № 4
65 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. 2-е изд.
66. *Пивоваров Д.В.* Иррациональное, сверхъестественное и человек //Отношение человека к иррациональному. Свердловск, 1989
67 *Гегель Г.В.Ф.* Собр. соч. Т. 12. М., 1973
68 *Лукач Д.* Своеобразие эстетического. М., 1986. Т. 3
69 *Пушкин А.С.* ПСС. В 10 т. 3-е изд. Т. 1. М., 1962
70. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42
71. *Кант И.* Критика способности суждения // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. Т. 3
72 *Рябов В.* Эстетическая потребность и творческий процесс. М., 1971
73 *Пушкин А.С.* ПСС. Т. 1
74 *Вдовина И.С.* Эстетика французского персонализма. М., 1981.
75 *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. М., 1978.
76. *Парсонс Г.* Человек в современном мире. М., 1985
77 *Шеллинг Ф.-В.* Система трансцендентального идеализма. Л., 1936
78 *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. М., 1967. Т. 3
79 *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 5.
80 *Яковлев Е.Г.* Проблема систематизации категорий в марксистско-ленинской эстетике. М., 1983
81 *Зись А.Я., Стафецкая М.П.* Методологические искания в западном искусствознании. Л., 1984.
82 *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. В 4 т. М., 1968. Т. 1
83 Эстетика: проблемы и споры. М., 1975

84. *Видгоф В.М.* Целостность эстетического сознания как предмет философского исследования. Дис. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 1993.
85. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
86. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12.
87. *Каган М.С.* К вопросу о экономии культуры // Философия науки. 1989. № 5.
88. *Каган М.С.* Социальные функции искусства. Л., 1978.
89. *Зись А.Я.* Искусство и эстетика. 2-е изд. М., 1975.
90. *Громов Е.Е.* Начала эстетических знаний. Популярный очерк. М., 1971.
91. *Борев Ю.Б.* Эстетика. 3-е изд. М., 1981.
92. *Столович Л.Н.* Природа эстетической ценности. М., 1972.
93. *Горький А.М.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1953. Т. 28.
94. Художественная реальность: Сб. науч. тр. Свердловск, 1985.
95. *Кабалевский Д.Б.* Избр. статьи о музыке. М., 1963.
96. *Зофья Лисса.* Эстетика киномузыки. М., 1970.
97. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. М.; Л., 1947.
98. *Асафьев Б.В.* Избр. труды. М., 1957. Т. 5.
99. *Тарковский А.* Красота – символ правды // Лит. газ. 1987. 8 апр.
100. *Мазель Л.А., Цуккерман В.А.* Анализ музыкальных произведений. М., 1967.
101. *Нейгауз Г.* Об искусстве фортепианной игры. М., 1961.
102. Музей МХАТ / Архив К. Станиславского. Из записей 1912 – 1913 гг. № 934. Л. 16.
103. *Станиславский К.С.* Собр. соч. М., 1959. Т. 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 5
1. АНАЛИЗ ПСИХО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ (ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ АСПЕКТ) 7
2. ПОСТРОЕНИЕ ИНВАРИАНТНОЙ МОДЕЛИ ЭМОЦИИ . . . 18
3. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭМОЦИЯ В СИСТЕМЕ ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 23
3.1. Структурная характеристика человеческой эмоциональности как социального отношения (социальный аспект) 23
3.2. Человеческая эмоция как носитель и вид информации (информационный аспект) 25
3.3. Эмоция как личностное переживание (психологический аспект) 27
3.4. Соотношение чувственного, эмоционального и рационального в познании (гносеологический аспект) 31
3.5. Ценностно-регулятивная функция человеческой эмоции (аксиолого-нормативный аспект) 37
3.6. Эмоция как язык человеческого общения (социально-коммуникативный аспект) 42
4. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЭМОЦИЯ КАК ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ И МЕРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ. 45
4.1. Формирование духовных основ эстетической эмоциональности 45
4.2. Специфика эстетической эмоциональности 50
4.3. Эстетическая эмоциональность как способ душевно-духовного освоения действительности 54
4.4. Вкус как целостная форма эмоционально-эстетического освоения действительности 62
5. ИСКУССТВО КАК ЦЕЛОСТНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ (вместо заключения) 70
ЛИТЕРАТУРА 86

CONTENT

THE AUTHOR TO READERS 5
1. ANALYSIS OF PSYCHO-PHYSIOLOGICAL PRINCIPLES OF HUMAN EMOTIONS (NATURAL-SCIENTIFIC ASPECT) . 7
2. FORMULATING THE INVARIANT MODEL OF EMOTION . . 18
3. HUMAN EMOTION IN THE SYSTE OF SPIRITUAL-PRACTICAL ACTIVITY 23
3.1. Structural feature of human emotionality as the social relation (social aspect) 23
3.2. Human emotion as an exponentand a type of information (informational-cybernetic aspect) 25
3.3. Emotion as a personal feeling (psychological aspect) 27
3.4. Correlation of sensuous, emotional and rational in cognition (epistemological aspect) 31
3.5. The value-regulative function of human emotion (normative aspect) 37
3.6. Emotion as means of human contacts (social-communicative aspect) 42
4. AESTHETIC EMOTION AS A HIGH LEVEL AND MEASURE OF HUMAN EMOTIONALITY 45
4.1. Forming spiritual principles of aesthetic emotionality 45
4.2. Specificity of aesthetic emotionality 50
4.3. Aesthetic emotionality as the way of sensuous-spiritual mastering reality 54
4.4. Taste as an integral form of emotional-aestetic mastering of reality 62
5. ART AS AN INTEGRAL-AESTETIC MODEL OF HUMAN EMOTIONALITY. (instead of cjnclusion) 70
LITERATURE 86

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

Главный редактор (председатель редакционного совета) Г.В. Майер
Ответственный редактор выпуска В.З. Башкатов

Бюллетень оперативной научной информации
№ 6. Август 2001

В.М. Видгоф

ЦЕЛОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Опыт философской реконструкции

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14. 09. 99 г. № 018694
ISSN 1561–7793 от 20. 04. 99 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14. 09. 99 г. № 018693
ISSN 1561–803X от 20. 04. 99 г. Международного центра ISSN (Париж)
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http://www tsu. ru/ru/vestnik
Web-мастер электронной версии Е.Ю. Рукавишников

Адрес редакционного совета:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Журнал «Вестник ТГУ».
Телефон (3822)–41–05–97

Подписано к печати 20 января 2002 г.
Формат 60 × 84 /16. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Ризография. Печ. л. 5,6. Усл. печ. л. 5,21. Уч.-изд. л. 5,01.
Тираж 250 экз.

Издание Томского государственного университета
Лицензия ИД № 00455 от 15. 11. 1999 г.

Оригинал-макет Бюллетеня подготовлен редакционным советом журнала и Издательским Домом «Сибирская книжная компания-Пресс».
Редактор К.Г. Шилько. Корректор Н.А. Афанасьева

Бюллетень отпечатан на полиграфическом оборудовании редакционно-издательского отдела ТГУ
Лицензия ПД № 00208 от 20. 12. 1999 г.
Адрес РИО ТГУ: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Каб. 023. РИО ТГУ
Телефон (3822)–42–65–49